

БЕССАРАБСКІЯ ВОСПОМИНАНІЯ А. О. ВЕЛЬТМАНА

И ЕГО ЗНАКОМСТВО СЪ ПУШКИНЫМЪ.

— — —

Время пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ съ исхода 1820 до половины 1823 года признается нѣкоторыми изъ біографовъ за періодъ его жизни, отмѣченный крайнею распущенностью и въ частномъ его быту, и въ общественныхъ отношеніяхъ. Но какъ бы ни называли тогдашній образъ его жизни—просто ли беспорядочностью, или намѣреннымъ подражаніемъ Байрону, мнѣніе это нельзя считать справедливымъ. Моменты нравственнаго упадка встрѣчаются въ жизни Пушкина неоднократно и до кишиневскаго періода, и позже его; чрезвычайная пылкость натуры поэта не разъ вовлекала его въ такіе поступки, въ которыхъ онъ принужденъ былъ горько раскаяваться даже вскорѣ по ихъ совершеніи; нѣтъ поэтому никакого повода утверждать, что, именно живя въ Бессарабіи, онъ чаще всего давалъ волю своимъ кипучимъ страстямъ. Еще менѣе позволительно объяснять вліяніемъ мѣстной среды оппозиціонное и тенденціозное направленіе, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Пушкина, написанныхъ въ Кишиневѣ; все это, напротивъ того,—отзвуки его петербургскаго настроенія.

По нашему мнѣнію, два съ половиною года, проведенные Пушкинымъ въ Бессарабіи, имѣли очень важное значеніе въ его жизни—не въ отрицательномъ, а въ положительномъ смыслѣ. Извѣстно, что именно въ это время онъ почувствовалъ потребность дополнить свое образованіе и сталъ усиленно о томъ заботиться:

Въ уединеніи мой своенравный геній
Позналъ и тихій трудъ, и жажду размышленій.
Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ друженъ умъ;
Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ,

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятужной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, перенесенный въ край, мало похожій на ко-ренную Россію, полуазіатскій, Пушкинъ имѣлъ случай развить здѣсь свою наблюдательность при встрѣчѣ съ нравами пестраго мѣстнаго населенія: съ поѣздки 1820 года въ казачьи станицы сѣвернаго Кавказа и затѣмъ съ пребыванія въ Бессарабіи пробудилось у свѣтскаго юноши Пушкина то чуткое вниманіе къ народной жизни, которое уже никогда не покидало его до самой смерти. Удаленный отъ друзей юности, въ столкновеніяхъ съ людьми, не внушавшими ему уваженія (такowymi оказались молдавскіе бояре), этотъ юноша приобрѣлъ извѣстный житейскій опытъ. Но въ то же время онъ не поддался разлагающему вліянію мѣстнаго общества, грубаго и необразованнаго, не поддался, какъ въ силу добрыхъ началъ, присущихъ его природѣ, такъ и потому, что нашелъ противовѣсъ этому вліянію въ общеніи съ нѣсколькими просвѣщенными русскими людьми, которыхъ одновременно съ нимъ обстоятельства закинули въ Кишиневъ. Никто, кажется, не сомнѣвается въ томъ, что поэтическое дарованіе Пушкина въ теченіе этого времени продолжало созрѣвать непрерывно и свободно. Точно также, среди своеобразной обстановки, подъ дѣйствіемъ исключительныхъ впечатлѣній, продолжала крѣпнуть и его нравственная личность: безпечный прожигатель жизни, какимъ явился Пушкинъ въ Бессарабію въ исходѣ 1820 года, оставилъ ее, два съ половиной года спустя, молодымъ человѣкомъ, конечно, еще очень способнымъ на увлеченія, но уже научившимся нѣкоторой осмотрительности въ своихъ поступкахъ и не безъ строгости къ самому себѣ.

Таковъ представляется намъ, въ общихъ чертахъ, кишиневскій періодъ жизни Пушкина, и мы думаемъ, что вѣрность этого взгляда достаточно подтверждается современными свидѣтельствами. По счастью, ихъ сохранилось довольно много. Въ томъ числѣ рассказы И. П. Липранди ¹⁾ занимаютъ первое мѣсто. Выдержки изъ его дневника, не смотря на свою отрывочную форму, драгоценны какъ по точности, такъ и по богатству сообщеній, и въ этихъ разсказахъ, составляющихъ какъ бы лѣтопись тогдашней жизни Пушкина, широкое мѣ-

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1886 г.

сто отведено не его легкомысленнымъ похожденіямъ среди молдавскаго общества, а именно серьезнымъ интересамъ, занимавшимъ поэта въ ту пору. Нѣсколько любопытныхъ указаній въ томъ же родѣ встрѣчается въ воспоминаніяхъ другого лица, съ которымъ Пушкинъ познакомился въ Бессарабіи: мы говоримъ объ извѣстномъ романистѣ и археологѣ Александрѣ Ѳомичѣ Вельтманѣ.

Въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ въ Московскій Публичный музей поступило собраніе рукописей Вельтмана. Въ составѣ этой любопытной коллекціи находится не изданная, но почти вполнѣ приготовленная къ печати статья, подъ заглавіемъ «Воспоминанія о Бессарабіи», въ которой авторъ изложилъ свѣдѣнія о своемъ знакомствѣ съ Пушкинымъ въ Кишиневѣ. Въ печати уже были сообщены извлечения изъ этихъ «Воспоминаній» ¹⁾, и по нимъ составилось мнѣніе, что рассказы Вельтмана о Пушкинѣ имѣютъ лишь незначительный интересъ исключительно анекдотическаго свойства. Но это ошибочно: ближайшее знакомство съ рукописью Вельтмана убѣдило насъ въ томъ, что при составленіи извлеченій изъ нея была упущена изъ виду основная мысль, руководившая авторомъ, когда онъ писалъ свои «Воспоминанія». Дѣло въ томъ, что, вставляя рассказы о Пушкинѣ въ очеркъ Бессарабіи, Вельтманъ имѣлъ въ виду выяснить то вліяніе, какое оказали на поэта и самый край, и условія тамошней жизни; въ своей статьѣ Вельтманъ, кромѣ прямыхъ свѣдѣній о Пушкинѣ, даетъ прекрасное изображеніе бессарабской природы, сообщаетъ много занимательныхъ подробностей о разнообразномъ составѣ и бытѣ мѣстнаго населенія и рассказываетъ о той попыткѣ къ освобожденію грековъ изъ-подъ турецкаго ига, которая извѣстна подъ названіемъ предпріятія етерпи. Многое изъ того, о чемъ говоритъ авторъ «Воспоминаній», обращало на себя вниманіе и Пушкина, и если не возбуждало въ немъ, какъ въ Вельтманѣ, ученой пытливости, за то дѣйствовало на его воображеніе и такъ или иначе питало его творчество. Эту таинственную связь между личностью поэта и краемъ, куда онъ попалъ, Вельтманъ угадалъ съ большою проницательностью, а потому, именно взятая въ цѣломъ, его статья представляетъ хорошій матеріалъ для исторіи жизни и творчества Пушкина въ періодъ его пребыванія въ Кишиневѣ.

---

¹⁾ См. статью *Е. С. Некрасовой*: «Изъ воспоминаній Вельтмана о времени пребыванія Пушкина въ Кишиневѣ» въ *Вѣстникъ Европы* 1881 г., № 3.

Прежде однако, чѣмъ представить читателю «Воспоминанія» Вельтмана, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ вообще объ ихъ авторѣ, тѣмъ болѣе, что въ собраніи его бумагъ уцѣлѣлъ отрывокъ изъ автобіографіи, касающійся его дѣтства и учебныхъ годовъ.

Александръ Оомичъ Вельтманъ происходилъ изъ обрусѣлой шведской фамиліи, родомъ изъ Ревеля. Родился онъ въ Петербургѣ 8-го іюля 1800 года и былъ крещенъ въ православную вѣру. Когда ему минуло пять лѣтъ, мать стала учить его грамотѣ. Они жили тогда въ Москвѣ, гдѣ Вельтманъ и получилъ образованіе. Лѣтъ восьми онъ былъ отданъ въ школу пастора Плеско, а въ 1811 году помѣщенъ въ университетскій благородный пансіонъ, но оставался тамъ лишь до Наполеонова нашествія. Затѣмъ, съ 1814 года онъ продолжалъ ученіе уже въ частномъ пансіонѣ братьевъ Терликовыхъ и, наконецъ, въ 1816 году былъ принятъ въ извѣстное учебное заведеніе для колонновожатыхъ, основанное на средства генерала Николая Николаевича Муравьева и имъ же руководимое. Объ этомъ своеобразномъ учрежденіи Вельтманъ хранилъ самую свѣтлую память, «какъ объ отчемъ кровѣ, безъ всякой примѣси воспоминаній о той тяготѣ, которая свалилась, наконецъ, съ плечъ послѣ послѣдняго экзамена на выпускъ». Разказы Вельтмана о Муравьевскомъ училищѣ, которое въ короткій періодъ своего существованія подготовило много дѣльныхъ офицеровъ для русской арміи, очень любопытны.

«Опредѣленное число колонновожатыхъ», говоритъ Вельтманъ, — «было шестьдесятъ... Колонновожатые пользовались въ отношеніи общества офицерскими правами; имѣли право ѣздить, быть въ театрѣ, въ собраніи, на балахъ; жили у своихъ родителей, родственниковъ, знакомыхъ или нанимали квартиры. Начальникомъ колонновожатыхъ былъ генералъ Н. Н. Муравьевъ. Въ его домѣ (нынѣ дворянскій клубъ) колонновожатые собирались въ опредѣленные дни для слушанія лекцій математики, геодезіи, исторіи, составленія и черченія плановъ и всего объема военныхъ наукъ и познаній, требуемыхъ для офицера свиты Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части. Мы готовились въ математики, инженеры, артиллеристы, топографы и въ то же время — въ исторіи и правители письменныхъ дѣлъ.

«Можно утвердительно сказать, что ни одно учебное заведеніе

не достигало такихъ необычайныхъ успѣховъ въ преподаваніи наукъ, какъ заведеніе колонновожатыхъ Н. Н. Муравьева. Курсъ наукъ продолжался только одинъ годъ, и этого года было достаточно, чтобъ изъ юношей, знавшихъ, по вступленіи въ колонновожатые, только читать, писать, четыре правила ариѳметки, понимать одинъ изъ иностранныхъ языковъ и имѣвшихъ поверхностныя общія свѣдѣнія изъ исторіи и географіи, образовались офицеры не только съ отличными познаніями теоріи требуемыхъ наукъ, но и съ полною опытностью примѣненія ихъ къ дѣлу.

«Преподаваніе въ сущности раздѣлялось на зимнее и лѣтнее. Зимнее преподаваніе—октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль, мартъ, апрѣль. Въ эти мѣсяцы колонновожатые собирались въ классы въ домѣ Николая Николаевича къ девяти часамъ утра. Классы раздѣлялись на три отдѣла по степенямъ познаній; напримѣръ, въ математикѣ: на первый—гдѣ преподавалась ариѳметика числовая и отвлеченная (буквами—алгебра), образующая формулы, и начала геометріи; второй—вся чистая математика; третій—часть высшей математики и приложеніе ея къ топографіи, геодезій и проч. Колонновожатые, раздѣляясь по классамъ, раздѣлялись въ то же время и въ классахъ на отдѣленія по нѣсколькѣ человекъ; въ начальники каждаго отдѣленія избирался по превосходству пониманія. Его обязанностью было—послѣ класса пройти или повторить урокъ со своимъ отдѣленіемъ или, лучше сказать, съ тѣми, которые неясно поняли и требовали объясненій. Эта была родъ экзамена пониманію и въ то же время повтореніемъ, такъ что каждый, выходя изъ класса, все понялъ, и оставалось дома повторить урокъ сравнительно съ лучшими курсами того времени, которые колонновожатые обязаны были имѣть. Это давало то удобство, что преподаватель не имѣлъ необходимости спрашивать въ слѣдующій классъ урока, а приступалъ прямо къ продолженію. Повѣрка познаній каждаго колонновожатаго, прослушавшаго опредѣленный курсъ класса, производилась по окончаніи курса для перевода въ слѣдующій—второй и третій—классъ. Не выдержавшіе экзамена для перевода оставались съ начинающими; но это было рѣдко, какъ исключеніе».

На этихъ словахъ прерывается автобіографія Вельтмана: онъ не досказалъ даже того, что хотѣлъ, касательно лѣтняго преподаванія въ Муравьевскомъ училищѣ. Чтобы дополнить набросанную Вельтманомъ картину, приведемъ разсказъ другого питомца того же

училища Н. В. Путьаты ¹⁾: «Лѣтомъ всѣ колонновожатые и офицеры учебнаго заведенія отправлялись въ имѣніе его, село Осташево или Долгоглядье, Александровское тожь, въ 110 верстахъ отъ Москвы. Тамъ они располагались на квартирахъ въ крестьянскихъ избахъ, и село принимало видъ военного стана, съ заревою пушкою, перекличкою, ученьями строю и проч. Начало лѣта посвящалось приготовленіямъ къ практическимъ занятіямъ, а потомъ колонновожатые раздѣлялись по отдѣленіямъ, со своими офицерами, въ мѣста, назначенныя для тригонометрической и топографической съемки Московской губерніи». Общее впечатлѣніе, которое Вельтманъ вынесъ изъ своего пребыванія въ Муравьевскомъ заведеніи, охарактеризовано имъ въ слѣдующихъ словахъ: ученіе шло здѣсь «весело, свободно, легко, пріятно, какъ какая-нибудь забава, увлекающая молодя чувства, полныя уже стремленій къ жизни, къ дѣятельности, къ участию въ общественной пользѣ. Наука воплощалась въ опытъ, мысль и слово—въ дѣло; голова не была какъ будто въ разлугѣ съ мышцами, требующими движенія».

Въ этомъ-то заведеніи Вельтманъ кончилъ курсъ въ 1817 году, пріобрѣтя основательное образованіе, которое дало ему возможность, въ теченіе пятнадцати лѣтъ, успѣшно и съ пользою нести службу офицера генеральнаго штаба, при чемъ онъ занимался топографическою съемкою въ Бессарабіи и участвовалъ въ Турецкихъ кампаніяхъ 1828 и 1829 годовъ. Но въ немъ скрывались еще способности, которыя ожидали примѣненія на другомъ поприщѣ: по выходѣ въ отставку въ 1831 году онъ посвятилъ себя литературной дѣятельности.

Еще въ ранней юности Вельтманъ началъ писать стихи, но долго, болѣе десяти лѣтъ, не рѣшался отдавать ихъ въ печать; лишь съ конца двадцатыхъ годовъ его стихотворенія являются въ журналахъ, одновременно съ изданіемъ ученаго труда по древней исторіи Бессарабіи. За то въ слѣдующіе годы до самой смерти (11-го января 1870 года), онъ, хотя и занятый службой въ Московской оружейной палатѣ, обнаруживаетъ необыкновенную производительность: поэмы, романы, повѣсти, драмы, статьи историческія и археологическія выходятъ изъ-подъ его пера непрерывною чередой. По словамъ Погодина, Вельтманъ «принадлежалъ къ числу тѣхъ

¹⁾ См. біографію Н. Н. Муравьева въ *Современникъ* 1852 г., т. XXXIII, отд. II, стр. 10 и 11.

московскихъ типическихъ труженниковъ, которые работаютъ съ утра до вечера въ своемъ кабинетѣ, никуда почти не выходятъ изъ дому, кромѣ случайныхъ необходимостей, не знаютъ никакихъ въ свѣтѣ удовольствій и всецѣло преданы своему дѣлу»¹⁾.

Впрочемъ, сила Вельтмана заключалась не въ его трудолюбіи, ни даже въ его умѣ и обширныхъ познаніяхъ, а въ его несомнѣнномъ поэтическомъ талантѣ, который притомъ былъ отмѣченъ печатью самобытности и развился очень своеобразно. По собственному свидѣтельству Вельтмана, первый литературный опытъ былъ ему внушенъ «Пѣсню во станѣ русскихъ воиновъ», но въ послѣдствіи онъ уже не отдавался романтически-мечтательному идеализму Жуковскаго; точно также не соблазнили его ни байроническое направленіе, когда оно нашло себѣ отзвуки въ русской поэзии, ни социальные мотивы, когда, послѣ Гоголя, они стали господствующею подкладкой русскаго романа и повѣсти. Міросозерцаніе Вельтмана всегда оставалось простое и ясное, постигающее добро и зло лишь въ ихъ несложной, первичной формѣ: наивное міросозерцаніе народной сказки. И можетъ быть, произошло это не случайно. «При мнѣ», воспоминаетъ Вельтманъ въ своей автобіографіи, — «былъ дядька Борисъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличный башмачникъ и удивительный сказочникъ. Слѣдить за рѣзвымъ мальчикомъ и въ то же время строчить и шить башмаки было бы не возможно, а потому, садясь за станокъ, онъ меня ловко привязывалъ къ себѣ длинною сказкой, нисколько не воображая, что со временемъ и изъ меня выйдетъ сказочникъ». Это было чуть ли не единственнымъ литературнымъ вліяніемъ, которое оставило на Вельтманѣ замѣтный слѣдъ. Когда онъ сталъ писателемъ, то взглянулъ на свою роль именно какъ на роль сказочника—не разумнаго хозяина своего воображенія, а покорнаго раба его. Онъ даже писалъ особыя полемическія статьи въ разъясненіе и защиту своего авторскаго пріема; на упрекъ, сдѣланный ему критикой на счетъ отсутствія внутренняго содержанія въ одномъ изъ его произведеній, онъ не обинуясь отвѣчалъ: «*Отечественныя Записки* искали главной мысли и не нашли; сознаюсь, я не развивалъ какой-нибудь односторонней страстишки какого-нибудь избобрѣтеннаго романическаго лица»²⁾. Дѣйстви-

¹⁾ *Русская Старина* 1871 г., т. IV, стр. 405.

²⁾ *Москвитянинъ* 1841 г., т. V, стр. 470; статья: «Нѣсколько словъ объ отзывѣхъ о „Ратиборѣ Холмоградскомъ“».

тельно, въ произведеніяхъ своихъ Вельтманъ отдавался весь одному воображенію и не хотѣлъ знать никакихъ границъ для его порывовъ; то сочинялъ онъ путешествіе по географическимъ картамъ («Странникъ»), въ которомъ, впрочемъ, было мало географическаго и очень много полушутливой, полугрустной болтовни, а порой и глубокихъ замѣчаній *de omni re scibili*; то писалъ фантастическія повѣствованія изъ древнѣйшаго, баснословнаго періода русской жизни («Кощей Безсмертный», «Святославичъ, вражій питомецъ»); то рассказывалъ судьбу молдавскаго «капитана де-ночь», который де состоялъ въ родствѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ съ Александромъ Македонскимъ и Наполеономъ Бонапарте («Предки Калимероса»); то наконецъ, въ рядѣ романовъ съ самою запутанною интригой («Приключенія, почерпнутыя изъ моря житейскаго») изображалъ крайне неестественныя, невѣроятныя происшествія, какъ вполне возможныя въ современной русской дѣйствительности. Вслѣдствіе этой, такъ сказать, распушенности воображенія — распушенности, конечно, только матеріальной, а никакъ не нравственной, произведенія Вельтмана, особенно его большіе романы, оказывались лишенными всякой цѣлостности; ошеломляющая пестрота и сложность ихъ содержанія, полное отсутствіе въ немъ единства производили на читателя такое впечатлѣніе, какъ будто передъ нимъ не законченныя вещи, а какіе-то черновые наброски, еще не освобожденные отъ излишествъ всякаго рода и отступленій въ разныя стороны. Въ этихъ сказкахъ не было видно никакой отдѣлки, никакой строгости автора къ своему труду; чувствовалось присутствіе поэтическаго вымысла, но не замѣчалось руки взыскательнаго художника. За то поэтическое дарованіе Вельтмана обнаруживалось въ его романахъ и повѣстяхъ большимъ умѣньемъ очерчивать отдѣльные характеры мѣтко и выпукло; рассказъ его живъ и нагляденъ, порою даже увлекателенъ: Въ «Кощей» и «Святославичъ» онъ не только проявилъ обширное знакомство съ преданіями славяно-русской древности, но и угадалъ ихъ поэтическую сторону. «Онъ понялъ древнюю Русь своимъ поэтическимъ духомъ и не давая видѣть ее такъ, какъ она была, даетъ намъ чутъ ее въ какомъ-то призракъ не уловимомъ, но характеристичномъ, неясномъ, но понятномъ». Этими словами, сказанными въ 1837 году, Бѣлинскій ¹⁾ удачно выразилъ впечатлѣніе,

---

¹⁾ Сочиненія, т. II, стр. 222; ср. т. IV, стр. 440.

оставляемое названными произведеніями, въ наше время слишкомъ позабытыми. Въ романахъ и повѣстяхъ Вельтмана изъ современной жизни поражаетъ его огромная наблюдательность, разнообразная и твердая; онъ знаетъ народный бытъ не изъ книгъ, а изъ живого опыта, какъ бывалый человекъ, много видѣвшій на своемъ вѣку; онъ прекрасно уловляетъ различные типы, выработанные народною жизнью, понимаетъ народныя симпатіи и антипатіи, отлично усваиваетъ себѣ фзіономію разныхъ племенъ, разсѣянныхъ по лицу Русской земли. Все это—признаки не только ума, но и крупнаго таланта, къ сожалѣнію, не умѣвшаго или не желавшаго соблюсти себя.

Не подлежитъ сомнѣнію, что способность пристальнаго наблюденія, возбужденная въ Вельтманѣ еще тѣми работами, которыя онъ производилъ въ Муравьевскомъ училищѣ, развилась затѣмъ во время его многолѣтнихъ странствованій по южной Россіи. Переѣзды по Бессарабіи имѣли для него еще большее значеніе, чѣмъ для Пушкина пребываніе въ Кишиневѣ: производя тамъ топографическія съемки, Вельтманъ близко изучилъ этотъ край и присмотрѣлся къ его населенію. Впослѣдствіи онъ не разъ избиралъ Бессарабію мѣстомъ дѣйствія своихъ повѣстей и предметомъ своихъ историческихъ изысканій. Понятно поѣтому, что когда онъ вздумалъ разсказать обстоятельства своего знакомства съ Пушкинымъ, то пожелалъ соединить свое повѣствованіе съ картиной самой Бессарабіи и съ очеркомъ тамошнихъ нравовъ.

Остается сказать о томъ, на сколько точны воспоминанія Вельтмана касательно Пушкина. Сознаемся, что сомнѣніе на этотъ счетъ можетъ, пожалуй, возникнуть послѣ сказаннаго выше о способности автора «Воспоминаній» увлекаться порывами своего воображенія. Читатель, знакомый съ некрологомъ Вельтмана, вышедшимъ изъ-подъ пера Погодина, кстати припомнить, пожалуй, слѣдующій отзывъ послѣдняго: «Съ живымъ, пылкимъ, часто необузданнымъ воображеніемъ, которое не знало никакихъ преградъ и съ равною легкостію уносилось въ облака, даже и за облака, или опускалось въ глубь земли, переплывало моря и прыгало черезъ горы, Вельтманъ страстно былъ преданъ историческимъ розысканіямъ въ самомъ темномъ періодѣ исторіи. Тамъ романическое воображеніе его гуляло на просторѣ; онъ былъ, какъ говорится, въ своей тарелкѣ и, колонновожатый въ молодости, указывавшій полкамъ ихъ позиціи передъ

сраженіемъ и квартиры послѣ сраженій, онъ оставался тѣмъ же колонновожатымъ и въ старости» ¹⁾). Но во первыхъ, слѣдуетъ дѣлать строгое различіе между Вельтманомъ-романистомъ и Вельтманомъ, повѣствующимъ о событіяхъ, не только не вымышленныхъ, но имъ лично видѣнныхъ. Дѣйствительно, въ своихъ историческихъ догадкахъ онъ нерѣдко бывалъ такимъ же смѣлымъ фантазеромъ, какъ въ своихъ романахъ; но даже тогда, когда онъ велъ изслѣдованіе къ выводу совершенно ошибочному, онъ изучалъ первоисточники, перетолковывалъ, можетъ быть, ихъ показанія, но не искажалъ ихъ свидѣтельствъ и, слѣдовательно, работалъ добросовѣстно—по своему крайнему разумію. Вотъ въ точности всего, что разсказывается въ «Воспоминаніяхъ» Вельтмана, подтверждается свидѣтельствами другихъ надежныхъ современниковъ-очевидцевъ, въ особенности столь обстоятельнаго въ своихъ показаніяхъ П. П. Липранди. За Вельтманомъ же остается преимущество въ живости разсказа, въ достоинствахъ литературнаго изложенія, что зависѣло уже отъ свойства его дарованія. Наконецъ, для полной оцѣнки воспоминаній Вельтмана о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ необходимо принять во вниманіе слѣдующія слова того же Липранди: Вельтманъ «не принималъ живого участія ни въ игрѣ въ карты, ни въ кутежѣ и не былъ страстнымъ охотникомъ до танцевальныхъ вечеровъ; но онъ—одинъ изъ немногихъ, который могъ доставлять пищу уму и любознательности Пушкина, а потому бесѣды съ нимъ были иного рода. Онъ безусловно не ахалъ каждому произнесенному стиху Пушкина, могъ и дѣлать свои замѣчанія, входилъ съ нимъ въ разборъ, и это не нравилось Александру Сергѣевичу, не смотря на неограниченное его самолюбіе» ²⁾). Понятно, что самъ Вельтманъ, по своей скромности, не могъ говорить о своихъ отношеніяхъ къ Пушкину съ такой точки зрѣнія; но вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что Вельтманъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ кишиневскаго общества, которыя пользовались наибольшимъ уваженіемъ со стороны поэта и которыя, въ свою очередь, могли хорошо понимать и цѣнить его.

Печатаемъ «Воспоминанія о Бессарабіи» почти безъ всякихъ сокращеній. Мы принуждены были исключить лишь нѣсколько отдѣльныхъ выраженій, неясныхъ въ рукописи и потому непонятныхъ,

¹⁾ *Русская Старина* 1874 г., т. IV, стр. 405.

²⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1251.

да кромѣ того, мы выпустили разсужденіе о сходствѣ «Превращеній» Овидія со скандинавскою «Эддой», занимающее около двухъ страницъ: это—одна изъ тѣхъ ученыхъ догадокъ, которымъ любилъ предаваться Вельтманъ; на ту же мысль онъ намекаетъ въ нѣкоторыхъ другихъ своихъ сочиненіяхъ, но къ занимающему насъ предмету она не имѣетъ никакого отношенія.

--

Воспоминанія о Бессарабіи.

Сія пустынная страна
Священна для поэта:
Она Державинимъ воспѣта
И славою русскою полна.
Еще донынѣ тѣнь Назона
Дунайскихъ ищетъ береговъ...

(Пушкинъ, «Баратынскому изъ Бессарабіи»).

I.

Когда пріостановишься на пути и оглянешься назадъ,—сколько тамъ было свѣта и жизни въ погасающемъ, сумрачномъ отдаленіи, сколько потеряно тамъ надеждъ, сколько погребено чувствъ! *Теперь и тогда, здѣсь и тамъ...* Сколько времени и пространства между этими словами! И все это населено уже безплотными образами, безмолвными призраками!

Когда пронеслась печальная вѣсть о смерти Пушкина, вся прошедшая жизнь его воскресла въ памяти знавшихъ его, и первая грусть была о Пушкинѣ-человѣкѣ. Все перенеслось мыслию въ прошедшее, въ которомъ видѣло и знало его, чтобъ потомъ спросить себя: гдѣ же онъ? Я узналъ его въ Бессарабіи, и очеркъ этой страны будетъ рамой, въ которую я вставлю воспоминаніе о Пушкинѣ.

Въ 1818 году я отправлялся изъ Тульчина, главной квартиры второй арміи, въ Бессарабію. Меня провожали въ дорогу слухи о нестерпимыхъ жарахъ, о степяхъ, населенныхъ змѣями, скорпіонами

и тарангулами, о чумѣ, о вѣчныхъ лихорадкахъ... Но я былъ тогда еще въ первой порѣ юности, съ головой, которая не задумывалась, съ чувствами не напуганными, и все страшное возбуждало только мое любопытство.

Проѣздъ по Подольской губерніи въ мартѣ мѣсяцѣ былъ еще сносенъ. Въ ней нѣтъ ничего пустыннаго, хотя я и не имѣлъ еще понятія о красотѣ ея во время лѣта и ея протяжныхъ долинахъ, усѣянныхъ селами посреди садовъ, огражденныхъ тополями. Но, проѣзжая по Херсонской губерніи отъ Балты до Дубоссаръ, я уже считалъ это пространство преддверіемъ «Гетскихъ пустынь». По дорогѣ нѣтъ ни одного селенія; станціи уединенно стоятъ въ полѣ, и это—только хата безъ ограды, даже безъ сарая и конюшни, ибо почтовые лошади пасутся постоянно въ табунѣ близъ станціи. Наконецъ, я пріѣхалъ въ Дубоссары—грустный городокъ, въ которомъ не съ большимъ одна церковь и не съ большимъ одна харчевня, утѣляющая голодъ проѣзжихъ чѣмъ Богъ послалъ. Но передо мной уже была туманная полоса, за которою зеленѣлись берега Бессарабіи. Я уже смотрѣлъ на гряды возвышеній и на далекую долину, по которой извивался Днѣстръ къ морю.

Проѣхавъ карантинъ и таможеню, я переправился чрезъ древній Тирасъ (Днѣстръ), задумался и очутился подлѣ корчемки молдавской одинъ, какъ сирота. Почтарь дубоссарскій, сложивъ мои вещи съ брички на землю, поскакалъ назадъ, какъ отъ брошеннаго на жертву чумѣ, змѣямъ, знойному солнцу и будущности. Покуда съ Кріулянской почты пріѣхала за мной почтовая *каруца* (тележка), я присидѣлъ на заваленѣ хаты и просмотрѣлъ на фізіономію молдавана, который мнѣ повторялъ время отъ времени: «Акушь, акушь!» (сейчасъ, сейчасъ). Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ я услышалъ свистъ, дребезгъ и хлопанье бича; пріѣхала каруца не больше дѣтской колыбельки; я усѣлся въ нее; *суруджи* (ямщикъ) верхомъ на одной изъ запряженныхъ веревочными шлейками въ дышло клячь, закрутивъ долгохвостый бичъ, хлопнулъ по воздуху надъ двумя передними конями, которыми онъ правилъ, и экипажъ мой затрещалъ, какъ пожарная трещотка.

Новая страна—новыя чувства. Я углублялся въ горы и доли Бессарабіи, какъ въ таинственный *дульчанъ* (сладость). Все уже одѣлось зеленью, дышало маемъ, и я живо чувствовалъ разницу между правымъ и лѣвымъ берегомъ Днѣстра. Кажется, что природ-

ные календари ихъ рознятся цѣлымъ мѣсяцемъ: въ Бессарабіи—весна, а въ Подольской губерніи едва только показались ея вѣстники.

Я пріѣхалъ въ Кишиневъ въ самое счастливѣйшее время его, когда все готовилось съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ къ приему императора Александра блаженной памяти. Государь проѣзжалъ тогда чрезъ Бессарабію на свиданіе съ императоромъ Австрійскимъ на границахъ царствъ въ городѣ Черновцахъ. Молдавскіе бояре стекались отовсюду въ Кишиневъ, и этотъ городъ кипѣлъ народомъ. Встрѣчи императора я не могъ видѣть, ибо былъ занятъ въ это время у князя Меншикова ¹⁾, который пріѣхалъ передъ государемъ; это было уже въ сумерки: но я слышалъ крики встрѣчи, которые приближались неумолкающимъ гуломъ отъ возвышеній по дорогѣ изъ Дубоссаръ къ городу, неслись городомъ и умолкали на время у собора, чтобы снова сопровождать императора до дома намѣстника ²⁾, который возвышаясь на отдѣльномъ холмѣ надъ озеромъ, превратился мгновенно во дворецъ освободителя Европы.

На другой день государь императоръ былъ въ митрополіи ³⁾ у обѣдни и потомъ на завтракѣ у сѣдовласаго экзарха Димитрія, въ тотъ же день—на балу, данномъ дворянствомъ бессарабскимъ въ огромной залѣ, нарочно устроенной въ домѣ Тодора Крупенскаго. Въ угожденіе изящному вкусу государя къ колоннадамъ явился вокругъ залы рядъ огромныхъ колоннъ порфиороваго цвѣта, обвитыхъ вязами разноцвѣтныхъ огней. Спозаранку зала наполнилась уже боярами, *куконами* и *куконицами* (барынями и барышнями). Хотя намѣстница, Викторія Станиславовна Бахметева ⁴⁾, успѣла въ ко-

¹⁾ Князь Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ былъ въ то время директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба Его Императорскаго Величества, въ чинѣ генералъ-маіора и въ званіи генералъ-адъютанта.

Л. М.

²⁾ Въ то время бессарабскимъ намѣстникомъ былъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ генераловъ Александровскаго времени, Алексѣй Николаевичъ Бахметевъ, состоявшій также подольскимъ военнымъ губернаторомъ. Онъ оставилъ управленіе Бессарабіей въ іюнѣ 1820 года.

Л. М.

³⁾ Митрополіей назывался въ Кишиневѣ архіерейскій домъ, ибо первымъ тамошнимъ архіереемъ по присоединеніи Бессарабіи къ Россіи былъ Гавріилъ Банулеско, бывшій митрополитъ Кіевскій; онъ умеръ въ мартѣ 1821 года, и его замѣнилъ его же викарій, епископъ Бендерскій Димитрій Сулима.

Л. М.

⁴⁾ Рожденная графиня Потоцкая, а по первому мужу—графиня Шуазель-Гуфье.

Л. М.

роткое время много внушить образованнаго вкуса въ дамъ кишиневскихъ (онѣ знали, что такое—балъ; куконицы знали уже необходимость во французскомъ магазинѣ модъ, умѣли уже рядиться по вѣнскимъ и парижскимъ образцамъ, умѣли рисоваться въ кадрилиахъ и мазуркахъ), но къ балу, гдѣ будетъ присутствовать императоръ, съѣхалось множество бояръ со всѣхъ сторонъ, даже изъ княжествъ Молдавіи и Валахіи, которымъ извѣстны были только приличія азіатскія. Приѣзжія куконы облеклись во всю роскошь Европы и Востока, и еслибъ намѣстница, какъ заботливая хозяйка приѣма, не обратила заблаговременно вниманія на наряды посѣтителей, государь засталъ бы на балу всѣхъ дамъ окутанными въ драгоценныя турецкія шали, а бояръ—въ *кочулахъ* ¹⁾ и въ *папушахъ* ²⁾ сверхъ желтыхъ и красныхъ *меити*. Почти передъ самымъ входомъ государя шали были сняты, а папуши нѣсколькихъ сотъ головъ были свалены въ кучи за колоннами. Когда государь вступилъ въ залу, все стѣнилось въ молчаніи, безъ шума, почти незамѣтно, въ кругъ, коего первые ряды состояли изъ женщинъ; женщинъ окружали стѣной бородатые первостатейные бояре, а за ними—бояре второго и третьяго класса. Балъ былъ открытъ генераломъ Милорадовичемъ: между тѣмъ, государь говорилъ съ намѣстницей и потомъ обошелъ съ нею, преслѣдуемый рядами польскаго, чрезъ всѣ комнаты, удостоилъ вниманія другихъ почетнѣйшихъ дамъ, а потомъ началась французская кадрилиа—первая въ Кишиневѣ, выученная въ домѣ намѣстницы.

Въ то время Пульхерія Вареоломей была въ цвѣтѣ лѣтъ, во всей красѣ дѣвственной, которой посвятилъ и Пушкинъ нѣсколько восторженныхъ стиховъ ³⁾. Ей только одной изъ дѣвицъ Кишинева государь сдѣлалъ честь польскимъ и нѣскольго вопросовъ. Лыбонгство въ послѣдствіи допытывалось отъ простодушной дѣвушки, что съ ней говорилъ государь. На вопросъ. часто ли она посѣщаетъ балы,

¹⁾ У молдаванъ *кочула*, смушковая сырая шанка въ родѣ опрокинутой огромной корчаги, не снималась ни въ церкви, ни даже передъ султаномъ, какъ чалма. А. В.

²⁾ *Папуши*—туфли сверхъ *меити* или желтыхъ, красныхъ сафьяновыхъ носковъ. А. В.

³⁾ По всей вѣроятности, Вельтманъ разумѣетъ здѣсь стихотвореніе „Дѣва“ (Сочиненія Пушкина, изданіе литературнаго фонда, т. I, стр. 234):

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!..

Далѣе, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, Вельтманъ еще разъ возвращается къ Пульхеріи Вареоломей. Л. М.

она отвѣчала: «Non, sire, parce que ma tante Elise ne se porte pas bien». Неподвижность всѣхъ и царствующая тишина, и взоры, устремленные на государя, должны были его скоро утомить. Онъ пребылъ не болѣе часа времени и уѣхалъ.

Въ воспоминаніе посѣщенія императоромъ Кишинева намѣстница подала мысль завести публичный городской садъ. Сколько я могу припомнить, государь самъ избралъ мѣсто вправо отъ митрополіи. На третій день государь выѣхалъ изъ Кишинева, но жители долго еще хвалились, что императоръ назвалъ Бессарабію «золотымъ краемъ».

II.

Съ 1818 по 1821 годъ, ознаменованный греческою етеріей, я познакомился съ Буджакомъ или бывшей татарской частью Бессарабіи; тогда еще почти все пространство между рѣками Прутомъ и Днѣстромъ и верхнимъ Траяновымъ валомъ была малонаселенная степь, изрѣзанная протяжными хребтами, которые сглаживались къ морю и образовали часть пустыни, носившей нѣкогда названіе „solitudo Gaetica“, и тѣ сѣдые волны ковыля, посреди которыхъ индѣ-индѣ видна крытая арба чабана, уединенное *кишло* или хуторъ, обставленный пирамидами кизяка. Это-то пространство воспѣлъ Мицкевичъ подъ названіемъ: „Аккерманскія степи“. Но часть Буджака, прилегающая къ рѣкѣ Пруту, гористѣе и населеннѣе; далекій же холмистый берегъ, отъ мѣстечка Формозъ до Вадулуй-Исаки, покрытъ садами и представляетъ въ миниатюрѣ Италію безъ ея исторіи и памятниковъ прошедшаго величія. Здѣсь-то, надъ самымъ селеніемъ Вадулуй-Исаки, начинается тотъ знаменитый валъ, который прозванъ Траяновымъ путемъ. Но тутъ имя Траяна императора, кажется, не можетъ играть никакой роли. Бессарабія никогда не принадлежала римлянамъ, рѣка Прутъ была границей Дакии; валы бессарабскіе не могли служить защитой ни со стороны сѣвера, ни со стороны юга, ибо они тянутся почти по прямой линіи, не разбирая мѣстоположенія и командованія высотъ, но во всякомъ случаѣ болѣе походятъ на ограду сѣвера. И если Траянъ построилъ нижній валъ противъ варваровъ, населявшихъ Бессарабію, чтобъ охранить отъ нихъ колоніи по Дунаю и Черному морю, для чего же построилъ бы онъ верхній валъ и боковые вдоль крутого берега Прута и Днѣстра? По всѣмъ соображеніямъ, эти валы были не что

иное, какъ разграниченія земель. По Лактанцію, изъ Бессарабіи въ 304 году готы изгнали неизвѣстный народъ, который, по дозволенію императора Галерія, населился въ ея предѣлахъ, а по жизнеописателю императора Проба, народъ, переселившійся въ это время во Фракію, былъ бастарны. Извѣстно, что орда печенеговъ, татаръ или торковъ населяла издавна Бессарабію. Не утвердительно, но я рѣшаюсь заключить, что эти сто тысячъ бастарновъ, переселившіеся во Фракію, были босняки.

Жители Бессарабіи всѣ валаы называютъ словомъ *траянъ*; валь, раздѣляющій Добружскую область или бывшую Малую Скиюю отъ Мизіи, также называется *траянъ*. На мизоготскомъ нарѣчїи, по Ульфилу, котораго языкъ царствовалъ въ этихъ мѣстахъ, слово *thraihan* значить—сжимать, стѣснять, ограждать, *thraihands vigs*—сжатая, огражденная дорога, стезя; слово, которое могло значить и—грань, граница. Вотъ, кажется, откуда произошло названіе *via Traiani*. По Ульфилу также, *thragjan* значить—бѣгъ, ѣзда, сходно съ греческимъ *τρέχω*, *сигго*, и съ русскимъ дорога, драга, трагть. Траянъ болгарскій совершенно сходенъ съ буджакскимъ; но почти на всемъ его протяженіи по берегу Черной рѣки (Кара-су) видны слѣды четверугольныхъ окоповъ со стороны Булгаріи, въ которыхъ, вѣроятно, содержалась пограничная стража. Этотъ Траяновъ валь ознаменованъ въ 1828 году маневромъ, на которомъ батарея въ 120 орудій, по слову Русскаго царя, неслась въ карьеръ въ атаку по отлогому скату праваго берега Кара-су. По гребню этого траяна императоръ проѣхалъ 17 верстъ для осмотра осажденной крѣпости Кистенджи, нѣкогда знаменитаго Истра.

Спускаясь отъ Рени по дорогѣ къ Измаилу, проходящей между Дунаемъ и озеромъ Кагуломъ, напоминающимъ побѣду Румянцова надъ турками, и отъ селенія Сатунова къ Дунаю по тропинкѣ между плавнями, на пути черезъ Дунай пересовъ за 508 лѣтъ до Р. Х. и русскихъ въ 1828 году, есть слѣды подобнаго же вала, который, какъ ограда между озерами Карталомъ и Кагульцемъ, преграждалъ этотъ путь и, можетъ быть, служилъ мостовымъ укрѣпленіемъ Дарію при отступленіи его изъ Скиіи.

Проѣхавъ Измаилъ, не разлучный съ именемъ Суворова, я скажу нѣсколько словъ о крѣпости Килии, которую нѣкоторые принимаютъ за Кіевецъ, построенный на Дунаѣ мнимымъ Кіемъ, путешествовавшимъ въ Царьградъ и полюбившимъ это мѣсто. Сказаніе о

существованіи Кіевца или Малаго Кіева на Дунаѣ не можетъ быть ложно; но мѣсто Старой Килии за Дунаемъ, посреди плавней,—вѣря сказанію о Кіѣ—не могло ему понравиться, и тѣмъ болѣе здѣсь не могъ быть Кіевецъ, что слово *городъ*, *городокъ*, въ смыслѣ древнихъ, значить укрѣпленная, отдѣльная гора или холмъ. Слово *gard*, *городъ* нераздѣльно съ словомъ *gora*, *gori*, какъ *Berg* и *Burg*, *Heim* и *Holm*, *холмъ*. Въ замѣну Килии я полагаю *Cius* или *Cium*, находившійся, по дорожнику Антонинову, ниже Гропени, на правомъ берегу Дуная. Это нынѣшній Гирсовъ. Высокая скала надъ Дунаемъ, составляющая нынѣ сѣверную сторону крѣпости, могла быть выбрана для основанія городка. Здѣсь, въ скалѣ, могли быть *kifwa* или пещеры готескія, отъ названія, которыхъ, по моему мнѣнію, получилъ свое названіе и Кіевъ. Если мнимый Кій любилъ жить у перевоза, то противъ самаго Гирсова есть и перевозъ чрезъ Дунай на ладьяхъ.

Дорога къ Аккерману тянется по бесплодной землѣ, напитанной солью, надъ вершинами озеръ Сасика или Кундука, Шаганы или Муртозъ, Карачусъ, Алибей-улу и Бурнасоло, населенныхъ весной пеликанами, а лѣтомъ покрытыхъ корой соли. За песчаной степью открываются передъ нами почернѣвшія отъ времени бални замка Аккерманскаго. Его окружаютъ не болѣе пятисотъ домовъ города, а вправо видны извѣстные аккерманскіе сады. Въ мое время считалось ихъ слишкомъ 900. Замокъ Аккерманскій, по преданію, построенъ генуэзцами въ XII вѣкѣ, когда они обладали торговлею Чернаго моря. На этомъ мѣстѣ въ древности стоялъ городъ Офіуса, а во время Геродота—колонія Тирась.

За лиманами виденъ Овидіополь, мнимое мѣстожителство римскаго пѣвца-изгнанника. Но чтѣ странно: въ вершинѣ лимана, при впаденіи Днѣстра, недалеко отъ селенія Паланка, гдѣ также небольшой четверугольный замокъ ¹⁾, есть озерцо, которое называется, по словамъ Кантемира, *лакулъ Овидулуй*, озеро Овидія. Во время моего проѣзда оно почти пересохло, и мнѣ назвали его *Дувьдулуй*; сколько помнится имъ, говорятъ, будто тутъ очень давно уже жилъ какой-то пустынный, именемъ котораго прозвали озеро. Близъ этого мѣста есть переправа черезъ Днѣстръ при селеніи Маякъ, на лѣвомъ берегу рѣки, верстахъ въ сорока отъ Овидіополя. Посѣтивъ

¹⁾ Слово *паланка* значить укрѣпленное селеніе.

впослѣдствіи и Мангалію на берегу Чернаго моря, которая также принимается за Тома, мѣсто обители Назона во время изгнанія, нельзя было не сказать:

Зачѣмъ намъ знать, гдѣ жилъ изгнанникъ сей,
И прахъ его влачить съ кладбища на кладбище?
Онъ жилъ, онъ пѣлъ, и вѣчное жилище
Поэта въ памяти людей! ¹⁾

Природа Днѣстра со стороны Бессарабіи очаровательна. Вдоль всего берега тянется цѣпь садовъ виноградныхъ и фрутовыхъ; селенія богаты, но вообще не похожи на наши, которыя, образуя улицу, суть зародыши городовъ. Молдавскія *самы* ²⁾ похожи болѣе на разбросанные шатры табора; *касы* ³⁾ стоятъ дверями во всѣ стороны: это—мазанки, построенныя изъ плетня, обмазаннаго глиной, и выбѣланныя; совершенно похожи на малороссійскія хаты, но гораздо опрятнѣе; снаружи и внутри выбѣлены, часто раскрашены узорами—вохрой и умброй. Арабески, выведенныя на стѣнахъ рукой самой хозяйки и ея дочери, очень похожи на синайскія письмена. Смазываніе глиной половъ, бѣленіе и крашеніе стѣнъ возобновляется передъ каждымъ праздникомъ. Въ каждой половинѣ касы, раздѣленной надвое сѣнями, близъ дверей *соба*, печка. Устье очень низко, не болѣе какъ на четверть отъ полу. За трубой на печи обыкновенно бываетъ обитель старухъ—слѣпыхъ, неподвижныхъ, ничего уже не чающихъ, и *хортвъг*, гончихъ собакъ, которыхъ молдаване нѣжатъ какъ дѣтей. И они стоятъ того: молдаванъ, отправляясь въ степь, беретъ съ собою хорта, и зайцы—не попадайся на встрѣчу!

Болгарскія селенія иначе строятся, хотя столь же неправильно. У нихъ семьи не раздѣляются,—не раздѣлены и дома; съ каждымъ поколѣніемъ, съ увеличеніемъ семейства, разрастается и домъ, по большей части въ прямую линію. Женатые правнуки, внуки и сыновья живутъ подъ одной общей кровлей своего патріарха-прадѣда, который бѣлъ, какъ лунь, и потерялъ уже счетъ своимъ годамъ, но

¹⁾ Стихи самого Вельтмана; см. его сочиненіе: «Странникъ» М. (1831), т. I, стр. 94.
Л. М.

²⁾ *Сату*—деревня, село; татары называютъ *сату* торгъ; *тирну* по молдавски городъ, торговое мѣсто.

А. В.

³⁾ Сходно съ италіанскимъ *casa*, или съ готскимъ *hus*, домъ.

А. В.

еще не лишился ни одного изъ своихъ чувствъ, еще дѣятельный работникъ и рассказываетъ о томъ, что случилось за сто лѣтъ, какъ о вчерашнемъ днѣ. Болгарскія хаты простѣе и пустѣе молдаванскихъ; стѣны голы, вмѣсто оконъ—деревянныя рѣшетки, вмѣсто лавокъ—низенькое возвышеніе изъ земли въ родѣ широкаго дивана, устланное бѣлымъ войлокомъ; близъ дверей—въ родѣ столбца или ротонды печь, которая топится изъ сѣней; устье почти на землѣ. Тутъ, подъ навѣсомъ трубы, виситъ цѣпь съ крюкомъ для котла, въ которомъ варится обѣдъ. Вмѣсто стола—кружокъ или мѣдный круглый подносъ на низенькихъ ножкахъ.

Почтовая дорога изъ Аккермана въ Бендеры идетъ степью черезъ Каушаны, бывшій «сарай» хана Буджакскаго, нынѣ ничтожное мѣстечко. Въ 25 верстахъ отъ Каушанъ крѣпость Бендеры; она лежитъ надъ Днѣстромъ въ равнинѣ, окруженной нагорнымъ берегомъ; это—древній Тигинъ. Выше крѣпости, верстахъ въ трехъ, на Днѣстрѣ селеніе Варницы; надъ Варницей, по скату берега, слѣды лагеря и канцеляріи сѣвернаго капрала—Карла XII; здѣсь жилъ онъ гостемъ у турокъ, отсюда турки изгнали своего гостя.

Вообще, въ нижней части Бессарабіи или въ Буджакѣ почти всѣ рѣки, какъ-то: Гага, Куяльникъ, Сарата и проч., текутъ по солончакамъ; въ колодцахъ вода также солоня. По всѣмъ рѣкамъ и лощинамъ разбѣяны слѣды бывшихъ татарскихъ селеній: эти слѣды замѣтны по кучамъ золы и по густому бурьяну, такъ что издали замѣчая темноцвѣтное пространство посреди зелени, замѣчаешь, что это—селище, по молдаванскому произношенію—*селитте*, то-есть мѣсто бывшаго селенія. Имена этихъ селищъ сохранились въ памяти жителей, напримѣръ, Акмангытъ, Мангытъ, Эдиге, Эникію и т. д. Послѣ того, какъ Буджакскія степи розданы правительствомъ для заселенія, вѣроятно, слѣды селищъ уже стерлись, но названія урочищъ долго сохраняются. Проѣзжая черезъ эти мѣста, поросшія глухой высокой травой, почти не возможно выносить удушливаго запаха какихъ-то особенныхъ дикихъ, мрачныхъ растеній, напоминающихъ бывшую обитель челоуѣка. Селище—обыкновенно любимый бульваръ куропатокъ во время вечера: цѣлыми стадами слетаются онѣ на курганы золы.

Въ обзорѣниі Буджака кстати должно упомянуть и о 14 нѣмецкихъ колоніяхъ, населенныхъ по обѣ стороны Куяльника въ 1817 году. Какъ ни трудно развести довольство посреди знойной степи, лишен-

ной хорошей воды, но при данныхъ правительствомъ средствахъ къ упроченію этихъ поселеній дѣятельные переселенцы въ два-три года обзавелись скоро домами, построенными на первый случай изъ земляныхъ кирпичей, огородами, засѣяли поля, пообставили загородки скирдами. Въ первые годы они поддерживали себя заработками у богатыхъ *царановъ*¹⁾. Бѣда вамъ, если вы играете на какомъ-нибудь инструментѣ, и васъ дослушаютъ колонисты: возвращаясь съ поля, они обсыплютъ васъ, умоляютъ играть и еще играть вальсъ и пляшутъ до упаду. Я никогда не забуду одного Ганса, который плясалъ въ присядку по русски; онъ не требовалъ похвалы, а просилъ только не переставать играть «Барыню».

Въ 1819 году открылась въ Бессарабіи, въ Хотинскомъ *цынутѣ* (уѣздѣ), чума, завезенная изъ Молдавіи. По данному мнѣ порученію усилить пограничную цѣпь, я проѣзжалъ по рѣкѣ Пруту и по границѣ австрійской до Днѣстра. Въ эту поѣздку и во время рекогносцировки верхней части Бессарабіи въ томъ же году я выучилъ наизусть этотъ край, древнюю обитель бастарновъ или бессовъ.

Верхняя часть Бессарабіи, начиная отъ верхняго Траянова вала, представляетъ совершенно другую уже природу. Это—уже гористыя мѣста, покрытыя лѣсами, садами, селеніями и уединенными монастырями, женскими и мужскими, посреди романическихкихъ мѣстностей. Отрасль Карпатскихъ горъ тянется отъ вершинъ рѣки Прута въ Галиціи и проникаетъ между Днѣстромъ и Прутомъ въ Бессарабію по Хотинскому *цынуту*. Въ Яскомъ *цынутѣ* она сглаживается между рѣками, впадающими въ Реуть, но въ вершинѣ этой рѣки, ниже города Бѣльць, она какъ будто возрождается снова въ отдѣльной горѣ Магура (туманъ), которая развѣтвляется вдоль всей Бессарабіи, также возникая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отдѣльными горами, чтобы сохранить свою силу и крутизну до моря. Въ верхней части Бессарабіи рѣка Прутъ имѣетъ отлогій берегъ, а крутой съ противной стороны, въ Молдавіи, единообразенъ и небогатъ населеніемъ; но рѣка Днѣстръ сохраняетъ вездѣ и крутизны, и частыя

---

¹⁾ Бояръ или мазиловъ (родъ шляхты), живущихъ на *царинѣ*, то-есть, на пахотномъ мѣстѣ посреди степи, собственномъ или наемномъ. *Царанъ* значитъ владѣющій землею пахотною, отдѣльною; *ауторъ* значитъ также временное жительство въ степи для паханія земли, содержанія стада или пчелъ; *кишло*—землянка, пріютъ степныхъ *чабановъ* или пастуховъ, безъ всякаго сомнѣнія, отъ татарскаго *кишлавъ*, зимовье.

села, и сады, богатые виноградомъ, волошскими орѣхами (грецкими), яблоками, сливами, вишнями, черешнями, грушами, абрикосами, не уступая даже степнымъ мѣстамъ въ богатствѣ *баитановъ* (полей, засѣянныхъ арбузами, дынями, тыквами, турецкими огурцами и баклажанами). На Днѣстрѣ ароматъ акацій, пѣсни ночныхъ соловьевъ, въ полтора аршина стерляди, слишкомъ въ сажень осетры, посреди плавней непереводаемая дичь—дикіе гуси, утки, всѣ роды шнеповъ и куликовъ. Здѣсь народъ дѣятельнѣе, женщины прекраснѣе. Но, говоря о красотѣ женщинъ простого народа,—гористыя здоровыя мѣста Орхеевскаго цынута должны славиться ими: тамъ цвѣтъ здоровья и роскошь формъ. Орхей-*веки* (древній Орхей), по словамъ жителей, былъ на другомъ мѣстѣ, по Кантемиру—на западномъ берегу Орхеевскаго озера; но, какъ я слышалъ, этотъ городъ былъ ближе къ Днѣстру, на Реутѣ, противъ Дубоссаръ и, слѣдовательно, противъ главной переправы черезъ Днѣстръ. Можетъ быть, здѣсь была Ольхюпія, которую приписываютъ мѣстечку Сороки или Соколы.

Верстахъ въ сорока отъ Орхея, на Днѣстрѣ, въ вершинѣ береговыхъ скалъ, есть монастырь Городище. Смотриа снизу, отъ рѣки, кельи кажутся норами птицъ, скалы стоятъ стѣной. Взобравшись на гору, въ объѣздъ по каменистой крутой дорогѣ, вы найдете тамъ нѣсколько домовъ, принадлежащихъ къ монастырю, обитель настоятеля и сады. Настоятель поведетъ васъ черезъ сады къ вершинѣ скалы; вышина ужаснетъ васъ, когда вы приблизитесь къ обрыву и станете спускаться по узенькой, вырубленной снаружи лѣсенкѣ. По положенной надъ обрывомъ доскѣ вы перейдете въ старую церковь и въ искусственныя пещеры, вырубленныя въ камнѣ; въ послѣднюю должно пролѣзть сквозь узкій прорубъ. Здѣсь хранится нѣсколько старыхъ оружій, и широкое отверстіе наружу задѣлано толстыми дубовыми досками, въ которыхъ прорублены ружейныя амбразуры. Говорятъ, что здѣсь въ старину христіане скрывались отъ татаръ. Возвратившись на уступъ скалы, составляющій площадку, вы помолитесь Богу въ новой церкви, вырубленной также въ камнѣ, посѣтите трапезную и калугерей въ ихъ пещерахъ съ однимъ окошкомъ и трубой, выведенной наружу скалы. Высота скалы надъ Днѣстромъ до ста сажень. Настоятель васъ угоститъ виномъ своихъ садовъ и сотами меду, и вы, разставаясь съ монастыремъ Городищемъ, скажете въ душѣ то же, что сказалъ Гёте, разставаясь съ обителью Мелькъ на Дунаѣ. Продолжая путь по

Днѣстру и не доѣзжая версть трехъ до монастыря Сорѣкъ, вы увидите въ скалахъ слѣды подобной же обители, какъ и въ Городищѣ, но давно уже оставленной.

Отъ монастыря Сорѣкъ проѣзжая въ Хотинъ, гдѣ также есть готеской архитектуры замокъ, почти во всемъ Хотинскомъ цынутъ вы встрѣтите совсѣмъ уже другой мѣръ и подумаете, что какая-то сила внезапно васъ перенесла въ Малороссію. Тутъ живутъ руснаки (такъ они сами себя называютъ), ящероглазые сарматы, родовитые бессы. Готическій замокъ Хотина надъ самымъ Днѣстромъ, на береговомъ холмѣ, обнятомъ лощиной, похожъ на замокъ Конвай въ Бретани. Теперь онъ составляетъ уже цитадель крѣпости. До приобрѣтенія Хотина русскими этотъ городъ считался сильнѣйшимъ во всей Молдавіи. Онъ извѣстенъ побѣдой Владислава, одержанной надъ султаномъ Османомъ въ 1621 году. Въ 1674 году турки при Хотинѣ разбиты Яномъ Собѣскимъ, который спасъ Вѣну отъ осады Магометомъ IV въ 1683 году. По трактату Хотинскому, заключенному въ 1622 году, Польша приобрѣла право имѣть своихъ легатовъ въ Константинополѣ. Въ это же время была основана королемъ Польскимъ въ Хотинѣ школа восточныхъ языковъ, для чего и были выписаны учителя изъ Константинополя. Въ этомъ-то заведеніи Янъ Собѣскій и его братъ Марко, дѣти Якова Собѣскаго, бывшаго каштеляномъ Краковскимъ и уполномоченнымъ посломъ въ Турціи въ 1621 году, приготовлялись къ путешествію на Востокъ. Постигнувшія Польшу переменъ были причиной уничтоженія этой школы.

Изъ Хотина проѣзжая берегомъ Днѣстра, гористое мѣстоположеніе нигдѣ не измѣняетъ красотамъ природы: вездѣ утесы, вездѣ звучные серебристые ручьи, пробирающіеся къ рѣкѣ отъ вершинъ глубокихъ, покрытыхъ лѣсомъ *вале* (долина, лощина), вездѣ селенія въ садахъ,—но уже названія селеній не кончаются на *ити*: не Минченшти, не Теленешти, а Рашковцы, Рогатинъ и др. Селеніе Онуты—предѣлъ русскому Днѣстру. Граница съ Австріей тянется вглубь вверхъ по ручью, потомъ черезъ высоты по дорогѣ лѣсомъ и снова рѣчкой Ракитной, впадающею въ рѣку Прутъ при мѣстечкѣ Новоселицахъ. Солдаты пограничнаго австрійскаго гарнизона молча рассказываютъ подлѣ пикетовъ, съ ружьями въ лѣвой рукѣ и съ тростью въ правой; въ пограничныхъ селеніяхъ, на «мустерплацѣ», видны маленькіе фронты, слышенъ барабанъ и «ейнъ-цвей». Австрійскіе пикеты построены огромными землянками, въ которыхъ

стѣны однакоже забраны толстыми досками въ предохраненіе отъ сырости.

Отъ мѣстечка Новоселиць до мѣстечка Липканъ на нашей сторонѣ отлогій берегъ, покрытый селеніями; нагорная же сторона Молдавіи одѣта густымъ лѣсомъ. Отъ Липканъ до мѣстечка Скулянъ, внизъ по Пруту, подвѣзжая къ рѣкѣ Чугуру, долина прутская перегорожена природной гранитной стѣной съ гребнемъ; но для протока рѣки она какъ будто раздвинулась и образовала ворота. Это мѣсто называется Костешти; лежащее подлѣ селеніе такъ же называется; съ нашей стороны въ скалахъ есть пещеры. Извилистая рѣка Прутъ ежегодно подмываетъ, особенно весной, нагорные берега свои, а въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершенно измѣняетъ свое русло, извиваясь, какъ змѣя, въ своей широкой долині. Во многихъ мѣстахъ перешейки огромныхъ *кутовъ* или пространствъ берега, обвиваемыхъ ею въ родѣ полуострова, не болѣе нѣсколькихъ сажень, такъ что каждое наводненіе грозитъ прорывомъ, и тогда подобный куть съ турецкой стороны, со всѣми селеніями, можетъ отойти къ Россіи, а куть съ нашей стороны будетъ отмежеванъ къ Турціи—безъ присутствія членовъ комиссіи разграниченія земель двухъ государствъ. Кажется, въ селеніи Маршинцахъ, близъ мѣстечка Новоселиць, въ 1819 году подлѣ дома помѣщика былъ огромный садъ на берегу рѣки, въ 1821 году оставалась уже половина сада, а въ 1825 году домъ стоялъ уже надъ обрывомъ; теперь на мѣстѣ дома, я думаю, протекаетъ уже рѣка, а черезъ нѣсколько лѣтъ и весь берегъ, на которомъ лежитъ селеніе, поступитъ во владѣніе прутскихъ водъ, хотя мутныхъ, но необыкновенно мягкихъ, здоровыхъ и заключающихъ въ себѣ минеральныя частицы. Въ верхней же части Прута, но не помню гдѣ, Прутъ подмылъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ гору, въ 1825 году добрался до самаго хребта и передъ самымъ моимъ прїѣздомъ отвалилъ вершину, раскроивъ пополамъ находящійся на ней огромный курганъ; подъ самымъ курганомъ, на сажень отъ поверхности протяжнаго хребта, осклапился длинный рядъ гробовъ, одинъ подлѣ другого; гробы были сколочены изъ толстыхъ дубовыхъ досокъ ящиками безъ расширенія кверху; дерево почернѣло отъ времени. Археологическое желаніе порыться въ древнихъ гробахъ не могло быть удовлетворено, ибо ни снизу, ни сверху къ нимъ не было приступу. Нѣсколько верстъ ниже Костешти подобное же слѣдствіе есть древняго обвала высокаго берега на про-

странствѣ нѣсколькихъ верстъ: вся насыпная набережная, отъ самага утеса обвалившаяся, усѣяна курганами, которые называются *Сута Можиле*, но это не тѣ Сто Могилъ, въ которыхъ ищутъ кладбище Скиѣскихъ царей.

Отъ мѣстечка Скулянь, по дорогѣ въ Кишиневъ, почти на половинѣ дороги къ почтѣ Резени, передъ подъемомъ на лѣсистый хребетъ, который тянется отъ Магурской высоты, на оконечности выдавагося отрога, на самомъ пути, стоитъ каменный столбъ; тутъ на вершинѣ, въ изображеніи герба, съ четырехъ сторонъ надписи о времени смерти Потемкина и стихи, сколько мнѣ помнится, слѣдующіе:

На мѣстѣ семь оныхъ кончилъ путь средь поль;,
Вотъ жизни славныя плачевная юдоль!

До 1825 года здѣсь пролегалла почтовая дорога изъ Яссы черезъ Скуляны въ Кишиневъ, и скромный памятникъ низвергнутаго смертію величія напоминаетъ каждому проезжему суету суетъ и всяческую суету. Но теперь почтовая дорога для объѣзда хребта отведена на нѣсколько верстъ ниже, а памятникъ остался на холмѣ, у мрачнаго подножія крутизны, которую стоило бы назвать «Тщеславіемъ».

III.

Въ исходѣ 1820 года и въ началѣ 1821 года зима въ Кишиневѣ проходила очень весело; помнится мнѣ, что въ этотъ годъ не было зимы: зимніе мѣсяцы были похожи на прекрасное сентябрьское время: не выпало ни одного куска снѣгу.

Наше время проходило на вечерахъ и балахъ, часто у намѣстника, куда собиралась вся знать кишиневская, а иногда въ домѣ Александра Кантакузина и другихъ. Въ то время въ Валахіи возникло уже возстаніе. Въ головѣ его былъ нѣкто Феодоръ Владимиреско, командовавшій во время войны русскихъ съ турками отрядомъ пандуръ. Но цѣлью этого возстанія было избавленіе себя отъ ига фанаріотовъ, назначаемихъ въ князья Молдавіи и Валахіи. Покуда Порта назначала Каллимахи господаремъ Валахіи по смерти Александра Суццо, Владимиреско овладѣлъ уже всею Малою Валахіей. Ничто не предвидѣлъ, чтобы эта искра была началомъ етеріи

(товарищества во имя спасеніи Греціи) и имѣла бы тѣ послѣдствія, которые совершились на глазахъ нашихъ.

Однажды, на балу у намѣстника, явилось новое лицо—статный русскій кавалерійскій генераль; правая рука его была обшита и подвязана чернымъ платкомъ. Я бы не обратилъ особеннаго на него вниманія, если бы онъ не сталъ танцовать мазурки. «Кто это такой?» спросилъ я. «Князь Александръ Ипсиланти», отвѣчали мнѣ. Этимъ отвѣтомъ я удовольствовался.

Черезъ нѣсколько дней балъ у князя Кантакузина, и я опять не предвидѣлъ, что въ толгѣ беззаботныхъ есть два историческихъ лица, замышляющихъ новую будущность Греціи. Прислонившись къ століку, стоялъ задумчиво худощавый адъютантъ. Не помню, познакомили меня съ нимъ, или случайно завязался у насъ разговоръ, но мы обмѣнялись нѣсколькими словами; помню только, что я удивлялся его худобѣ. Сжатое его лицо, носъ нѣсколько орлиный, голова почти лысая, не болѣе фута въ плечахъ, ноги какъ флейты, въ рейтузахъ съ лампасами нисколько не предвѣщали будущаго полководца Греціи Дмитрія Ипсиланти.

Отъ разговора съ нимъ я былъ отвлеченъ нѣсколькими женскими голосами, которые повторяли: «*Monsieur le prince, dansez donc! Dansez, Nicolas, au moins une seule figure!*» Но гвардеецъ отказывался. Съ трудомъ, однакоже, уговорили его пройти одинъ только кругъ. Онъ уступилъ просьбамъ; прекрасный собою, ловкій мужчина превзошелъ всѣхъ поляковъ въ ловкости танцовать мазурку. «Кто это?» спросилъ я у княгини Кантакузиной. «*C'est le prince Nicolas Ipsylanti! Ah, comme il danse!*»

Три брата Ипсиланти пріѣхали въ отпускъ; не прошло нѣсколькихъ дней, какъ мы узнали, что всѣ трое они тайно уѣхали уже въ Молдавію. Вскорѣ намѣренія ихъ объяснились. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1821 года князь Александръ Ипсиланти издалъ воззваніе къ грекамъ. Я былъ въ то время въ Тирасполѣ. Вліяніе этого воззванія сильно подѣйствовало на грековъ и въ границахъ Россіи; изъ Одессы шли и ѣхали толпы грековъ чрезъ Тирасполь, Бендеры и Кишиневъ въ Молдавію. Вездѣ снабжались они тайно агентами етеріи средствами къ пути; они тогда уже пѣли славную пѣсню новыхъ грековъ: «*Δεῦτε, παῖδες τῶν Ἑλλήνων!*» Съ весной границы наши огласились уже оружіемъ боя етеристовъ съ турками. Послѣдовавшее передвиженіе войскъ шестого корпуса для подкрѣпленія границъ на всякій случай

внушало тогда какое-то участіе къ грекамъ и желаніе войны съ турками.

Я отправлялъ тогда должность оберъ-квартирмейстера и получилъ предписаніе прибыть въ Кишиневъ, не смотря на разливъ Днѣстра. Я отправился ночью, подѣхалъ къ карантину Парканскому и видѣлъ уже не рѣку передъ собою, но море, и вдали крѣпость, Бендеры какъ на островѣ. Лодки переправы были за наводненіемъ. Убѣжденіе карантинныхъ чиновниковъ переждать ночь не остановило меня. Стоя на почтовой телегѣ, я пустился вплавь, доѣхалъ счастливо до мѣста переправы, но надо было еще грозить черезъ рѣку паромщикамъ, которые были за рѣкой на островку, образовавшемся изъ кургана. Они не рѣшались перевозить, но угрозы подействовали: они приплыли на сплоченныхъ двухъ лодкахъ, и я переправился на островокъ, послалъ въ Бендеры за лошадьми и снова вплавь доѣхалъ до нагорнаго берега. У молодости какъ будто нѣсколько жизней въ запасѣ.

Когда я пріѣхалъ въ Кишиневъ, это былъ уже не тотъ городъ, который я оставилъ за два или за три мѣсяца. Народъ кишѣлъ уже въ немъ. Въмѣсто двѣнадцати тысячъ жителей тутъ было уже до пятидесяти тысячъ на пространствѣ четырехъ квадратныхъ верстѣ. Онъ походилъ уже болѣе на стеченіе народа на мѣстный праздникъ, гдѣ пріѣзжіе поселяются кое-какъ, цѣлыя семьи живутъ въ одной комнатѣ. Но не одинъ Кишиневъ наполнился выходцами изъ Молдавіи и Валахіи; населеніе всей Бессарабіи по крайней мѣрѣ удвоилось. Кишиневъ былъ въ это время бассейномъ князей и вельможныхъ бояръ изъ Константинополя и двухъ княжествъ; въ каждомъ дому, имѣющемъ двѣ-три комнаты, жили переселенцы изъ великолѣпныхъ палатъ Яссъ или Бухареста. Тутъ былъ проѣздомъ въ Италію и господарь Молдавіи Михайлъ Суццо; тутъ поселилось семейство его, въ которомъ блистала красотой Ралу Суццо; тутъ была фамилія Маврокордато, посреди которой расцвѣтала Марія, послѣдняя представительница на землѣ классической красоты женщины. Когда я смотрѣлъ на нее, мнѣ казалось, что Еллада, въ видѣ божественной дѣвы, появилась на землѣ, чтобы вскорѣ исчезнуть на вѣки. Прежде было пріятно жить въ Кишиневѣ, но прежде были будни передъ настоящимъ временемъ. Вдругъ стало весело даже до утомленія. Новыя знакомства на каждомъ шагу. Окна даже дрянныхъ магазиновъ обратились въ рамы женскихъ головокъ; черные глаза этихъ живыхъ

портретовъ всегда были обращены на васъ, съ которой бы стороны вы ни подошли, такъ какъ на портретахъ была постоянная улыбка. На каждомъ шагу загорался разговоръ о дѣлахъ греческихъ: участіе было необыкновенное. Новости разносились, какъ электрическая искра по всему греческому міру Кишинева. Чалмы князей и кочулы бояръ разбѣзжали въ вѣнскихъ коляскахъ изъ дома въ домъ, съ письмами, полученными изъ-за границы. Можно было выдумать какую угодно нелѣпость о побѣдахъ грековъ и пустить въ ходъ; всему вѣрили, все служило пищей для толковъ и преувеличеній. Однакоже, во всякомъ случаѣ, мнѣніе должно было раздѣлиться надвое; одни радовались успѣхамъ грековъ, другіе проклинали грековъ, нарушившихъ тучную жизнь бояръ въ княжествахъ. Молдаване вообще желали успѣха туркамъ и порадовались отъ души, когда фанаріотамъ рѣзали головы, ибо въ каждомъ видѣли будущихъ господарей своихъ. Между тѣмъ въ саду выстроилась зала клубная, въ которой побѣда была всегда на сторонѣ военныхъ, а въ залѣ Крупенскаго открыли театръ нѣмецкой труппы актеровъ, переселившейся изъ Яссы, которая продекларировала намъ всего Коцебу, при чемъ не были упущены, къ удовольствію публики, и балеты.

Между тѣмъ въ Молдавіи дѣла шли очень плохо; у главнокомандующаго греческихъ войскъ не было войска, у начальника его штаба не было текущихъ дѣлъ. Въ составляемую Ипсиланти гвардію, подъ именемъ «безсмертнаго полка», шли только алчущіе хлѣба, но не жаждущіе славы; весь же боевой народъ—арнауты, пандуры, гайдюки, гайдамаки и талгары—нисколько не хотѣлъ быть въ числѣ безсмертныхъ и носить высокую мерлушковую *кушму* (шапку), украшенную Адамовой головой. Имъ не нравилось управленіе штаба и гораздо было привольнѣе въ шайбахъ Йоргаки Олимпіота и Тодора Владимиреско, котораго цѣли были совсѣмъ иныя. Въмѣсто того, чтобы соединиться съ Ипсиланти, онъ отвѣчалъ ему: «Ваша цѣль совершенно противоположна моей. Вы подняли оружіе на освобожденіе Греціи, а я—на избавленіе своихъ соотечественниковъ отъ греческихъ князей. Ваше поле не здѣсь, а за Дунаемъ; вы боритесь съ турками, а я буду бороться съ злоупотребленіями»¹⁾. Такимъ обра-

¹⁾ Въ одной изъ своихъ повѣстей, подъ заглавіемъ „Радоу“, Вельтманъ описалъ нѣкоторые эпизоды возстанія етеристовъ и, между прочимъ, свиданіе О. Владимиреско Ал. Ипсиланти, при чемъ обнаружилось различіе въ ихъ цѣляхъ.

зомъ, Ипсиланти былъ не въ своей тарелкѣ; его маневры противъ турокъ не удались, и онъ принужденъ былъ оставить поле чести, предавъ вѣчному проклятію бояръ Савву Дуку, Василя Парлу, Георгія Маню, Григораша Суццо, Николая Скуфо и Василя Каравію. Остатокъ арміи етеристовъ былъ преслѣдованъ турками до переправы Скулянской черезъ Прутъ. Здѣсь былъ послѣдній бой предъ вратами спасенія. Въ это время отъ ожесточенныхъ турокъ сбѣжались толпы жителей Молдавіи къ переправѣ. Истопивъ послѣднія силы, сжатые турками въ кучу, етеристы бросили оружіе, побѣжали къ переправѣ смѣшались съ переправляющимся народомъ; но турки ринулись къ переправѣ и воздержались только готовностію нашей батареи; а между тѣмъ, испуганные бѣглецы кинулись вплавъ черезъ рѣку, переплывали и тонули, подстрѣливаемые турками. Почти этимъ, исключая нѣсколькихъ битвъ въ оградахъ монастырей Молдавіи и Валахіи, кончилась етерія этихъ княжествъ.

Не помню, но кажется, въ исходѣ этого года пронеслись слухи, что ѣдетъ въ Кишиневъ прославленный уже юный поэтъ Пушкинъ. Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ то время, какъ загорѣлась Греческая война; не помню, но кажется, что онъ былъ во время Скулянскаго дѣла, и стихотвореніе «Война» внушено ему въ это время общаго голоса, что война съ турками неизбѣжна ¹⁾:

Война!.. Подъяты наконецъ,
Шумять значена бранной чести!
Увижу кровь, увижу праздникъ мести,
Засвищеть вкругъ меня губительный свинецъ!

И, наконецъ, въ концѣ онъ съ нетерпѣніемъ восклицаетъ:

Что жь медлитъ ужась боевой?
Что жь битва первая еще не закипѣла?..

Въ это время исправлялъ должность намѣстника Бессарабіи глав-

¹⁾ Пушкинъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрь 1820 года, до начала возстанія етеристовъ; Ал. Ипсиланти переправился черезъ Прутъ въ Молдавію 22-го февраля 1821 года, а Скулянское дѣло, въ которомъ возставшими командовалъ не Ипсиланти, а князь Георгій Кантакузинъ, происходило 29-го іюня того же года. Стихотвореніе «Война» Пушкинъ помѣтилъ 1821 годомъ, и вѣроятно, оно относится къ первымъ мѣсяцамъ его. Анненковъ говоритъ, что въ рукописи Пушкина есть помѣта: «29 ноября», но это не вѣрно. Первые строки стихотворенія намекаютъ на освященіе знаменъ Ипсиланти въ Яссахъ, о чемъ Пушкинъ писалъ А. Н. Раевскому еще въ мартѣ 1821 года (Сочиненія, т. VII, стр. 18).

ный попечитель южныхъ колоній Россіи генераль Иизовъ. Вскорѣ узнали мы, что подъ его кровомъ живетъ Пушкинъ. Наконецъ, Пушкинъ явился въ обществѣ кишиневскомъ.

Здѣсь не пропущу я слѣдующее, касающееся до тогдашняго моего самолюбія. Въ Кишиневѣ русская поэзія еще не доходила. Правда, тамъ, за нѣсколько лѣтъ до меня, жилъ Батюшковъ ¹⁾; но кругъ военныхъ русскихъ его времени перемѣнился; съ перемѣной лицъ и память объ немъ опять исчезла: притомъ же онъ пѣлъ въ тишинѣ, и звуки его не раздавались на берегахъ Быка. Послѣ него первый юноша со склонностью плести рѣмы былъ я; хотя эта склонность зародилась еще на двѣнадцатомъ году въ молельной комнатѣ Московскаго университетскаго благороднаго пансіона, и потомъ. воспламенная пѣсню В. А. Жуковскаго «Во станѣ русскихъ воиновъ», породившею трагикомедію «Изгнаніе французовъ изъ Москвы», была самая жалкая, но я между товарищами носилъ имя «кишиневскаго поэта». Причиною этому названію были стихи на кишиневскій садъ, въ которыхъ я воспѣлъ всѣхъ посѣщающихъ оный, профанически подражая воспѣванію героевъ русскихъ. Не стыдясь однако пеленокъ своихъ, я сознаюсь, что если чудные звуки В. А. Жуковскаго породили во мнѣ любовь къ поэзіи, то пріѣздъ Пушкина въ Кишиневъ породилъ чувство ревности къ музѣ. Но все мое поприще ограничивалось письмами; по какой-то непреодолимой страсти я не могъ написать всего письма въ прозѣ: непременно, нечувствительно прокрадывались въ него рѣмы. Да еще я начиналъ писать какую-то огромную книгу въ стихахъ и прозѣ (заглавія не помню: кажется, «Этеонъ и Ланда»), что-то въ родѣ поэмы изъ Крестовыхъ походовъ,—только дѣйствіе на Нилѣ. Встрѣчая Пушкина въ обществѣ и у товарищей, я никакъ не умѣлъ съ нимъ сблизиться: для другихъ въ обществѣ онъ могъ казаться ровень, но для меня онъ казался недоступень. Я даже удалялся отъ него, и сколько я могу понять теперъ тайное, безотчетное для меня тогда чувство, я боялся, чтобы кто-нибудь изъ товарищей не сказалъ ему при мнѣ: «Пушкинъ, вотъ и онъ пописываетъ у насъ стишки».

Слава Пушкина въ Кишиневѣ гремѣла только въ кругу русскихъ; молдавскій образованный классъ зналъ только, что поэтъ есть такой

¹⁾ Это—ошибка: Батюшковъ никогда не бывалъ въ Кишиневѣ, но въ 1815 году служилъ въ Каменцѣ-Подольскѣ, подъ начальствомъ А. Н. Вахметева, который управлялъ и Бессарабіей.

человѣкъ, который пишетъ «поэзіи». Пушкинъ замѣтнѣе другихъ, носящихъ фракъ, былъ только потому, что принадлежалъ, по ихъ мнѣнію, къ свитѣ намѣстника; въ обществѣ же женщинъ шитый мундиръ, статность, красота играли значительнѣе роль, нежели слава, пріобрѣтенная гусинымъ перомъ. Однакомъ, живымъ нравомъ и остротой ума Пушкинъ вскорѣ покорилъ и вниманіе молдавскаго общества; все оригинально-странное не ушло отъ его колючихъ эпиграммъ, не смотря на то, что онъ ихъ бросалъ въ разговоры какъ-будто только по одной привычкѣ: память молодежи ихъ ловила на лету и носилась съ ними по городу.

Отецъ Пульхеріи ¹⁾, нѣкогда стоявшій съ чубукомъ въ рукахъ на запяткахъ *бутки* (коляски) яесскаго господаря Мурузи, но потомъ владѣтель большихъ имѣній въ Бессарабіи, предсѣдатель палаты и откупщикъ всего края, во время Пушкина жилъ открыто; ему нуженъ былъ зять русскій, сильная рука котораго поддержала бы предвидимую несостоятельность по откупамъ. Предчувствуя собирающуюся надъ нимъ грозу, онъ пристроилъ къ небольшому дому огромную залу, разрисовалъ ее какъ трактиръ и сталъ давать балы за балами, вечера за вечерами. Свернувъ подъ себя ноги на диванѣ, какъ паша, сидѣлъ онъ съ чубукомъ въ рукахъ и встрѣчалъ своихъ гостей привѣтливомъ: «пуфтимъ» (просимъ). Его жена, Марья Дмитріевна, была во всей формѣ русская говорливая, гостепріимная помѣщица; Пульхерица была полная, круглая, свѣжая дѣвушка; она любила говорить болѣе улыбкой, но это не была улыбка кокетства, — нѣтъ, это просто была улыбка здороваго, беззаботнаго сердца. Никто не припомнитъ изъ знавшихъ ее въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобъ она на кого-нибудь взглянула особенно; казалось, что каждый, кто бы онъ ни былъ и каковъ бы ни былъ, для нея былъ не болѣе, какъ человѣкъ съ головой, съ руками и съ ногами. На балахъ со всѣми кавалерами она съ одинакимъ удовольствіемъ танцовала, всѣхъ одинаково любила слушать, и Пушкину такъ же, какъ и всякому, кто умѣлъ ее разсмѣшить или польстить ея самолюбію, она отвѣчала: «Ah, quel vous êtes, monsieur Pouchkine!» Пушкинъ особенно цѣнилъ ея простодушную красоту и безотвѣтное сердце, не вѣдавшее нѣкогда ни желаній, ни зависти.

¹⁾ Егоръ Кирилловичъ Варееоломей. Вельтманъ изобразилъ его и его семейство въ повѣсти «Два маіора» (*Москвитянинъ* 1848 года, № 1).

Но Пульхерица была необъяснимый феноменъ въ природѣ; стоить, чтобъ сказать мои сомнѣнія на счетъ ея. Многіе искали ея руки, отецъ и мать изъясляли согласіе, но едва желающій быть нареченнымъ приступалъ къ исканію сердца, всѣ вступленія къ объясненію чувствъ и желаній Пульхерица прерывала: «Ah, quel vous êtes! Qu'est-ce que vous badinez!» И все отступалось отъ исканій; сердца ея никто не находилъ; можетъ быть, его и не было, или по крайней мѣрѣ, оно было на правой сторонѣ, какъ у анатомированнаго въ Москвѣ солдата. Когда по дѣламъ своимъ отецъ ея предвидѣлъ худую будущность, онъ принужденъ былъ влюбиться, вмѣсто дочери, въ одного изъ моихъ товарищей ¹⁾, но товарищъ мой не прельщался нѣсколькимистами тысячъ приданого и помѣстьями бояръ. «Мусье Горчаковъ», говорилъ ему Вареоломей, — «вы можете положить на мою любовь и уваженіе къ вамъ». «Помилуйте, я очень цѣню вашу привязанность, но мнѣ не съ вами жить». «Повѣрьте мнѣ, что она васъ любитъ», говорилъ Вареоломей. Но товарищъ мой не вѣрилъ клятвамъ отцовскимъ.

Смотря на Пульхерию, которой по наружности было около семнадцати лѣтъ, я нѣсколько разъ покушался думать, что она есть совершеннѣйшее произведеніе не природы, а искусства. «Отчего», думалъ я, — «у Вареоломея только одна дочь, тогда какъ и онъ, и жена еще довольно молоды?» Всѣ движенія, которыя она дѣлала, могли быть механическими движеніями автомата. «Не автоматъ ли она?» И я присматривался къ ея походкѣ: въ походкѣ было что-то странное, чего и выразить нельзя. Я присматривался на глаза: прекрасный, спокойный взоръ двигался вмѣстѣ съ головою. Ея лицо и руки такъ были изящны, что мнѣ казались онѣ натянутой лайкой. Но Пульхерія говоритъ... Говорить и Альбертовъ андроидъ съ мѣднымъ лбомъ. Я обращалъ вниманіе на ея разговоры; она все слушала кавалера своего, улыбалась на его слова и произносила только: «Qu'est-ce que vous dites? Ah, quel vous êtes!» и иногда: «Qu'est-ce que vous badinez?» Голосъ ея былъ протяженъ, въ произношеніи что-то особенное, необъяснимое. «Неужели это—новая Галатеея?»

¹⁾ Дѣло идетъ о Владимірѣ Петровичѣ Горчаковѣ, который, подобно Вельману, былъ офицеромъ по квартирмейстерской части и, проживая въ Кишиневѣ, тоже сошелся съ Пушкинымъ. Его воспоминанія о Пушкинѣ напечатаны въ *Москвитянинѣ* 1850 года.

думалъ я... Но послѣдній опытъ такъ убѣдилъ меня, что Пульхерія—не существо, а вещество, что я до сихъ поръ вѣрю въ возможность моего предположенія. Я замѣчалъ, ѣсть ли она. Повѣрить ли мнѣ кто-нибудь? Она не ѣла; она не садилась за большой ужинъ, ходила вокругъ столиковъ, разставленныхъ вокругъ залы, за которыми располагались гости по произволу кадрилими; обращаясь то къ тому, то къ другому, она повторяла: «Pourquoi ne mangez-vous pas?» И если кто-нибудь отвѣчалъ, что онъ усталъ и не можетъ ѣсть, она говорила: «Ah, quel vous êtes!» и отходила. «Пульхерія не существо», думалъ я;—«но какимъ же образомъ ея отецъ, самъ ли геній механическаго искусства, или пріобрѣвшій за деньги механическую дочь, хлопочетъ, чтобъ выдать ее замужъ?» И тутъ находилъ я оправданіе своего предположенія: ему нужно утвердить за дочерью большую часть богатства, чтобъ избѣжать отъ бѣдствій несостоятельности, которую онъ предвидѣлъ уже по худому ходу откуповъ; зятю же своему онъ заперъ бы уста золотомъ; притомъ же, кто бы рѣшился рассказывать, что онъ женился на произденіи механизма? Странно однако, что никто не женился на Пульхеріи. Спустя восемь лѣтъ я пріѣзжалъ въ Кпшиневъ и видѣлъ вѣчную невѣсту въ саду кпшиневскомъ: она была почти та же, механизмъ не испортился, только лицо немного поистерлось ¹⁾).

Пушкинъ часто бывалъ у Вареоломея. Хорошая, таинственная дѣвушка ему нравилась,—нравилось и гостепрѣимство хозяевъ. Пушкинъ посвятилъ нѣсколько стиховъ Пульхерицѣ, которые я однакоже не припомню.

Происходя изъ арапской фамиліи, въ нравѣ Пушкина отзывалось восточное происхожденіе. Въ немъ проявлялся навѣкъ отцовъ его къ независимости, въ его пріемахъ—воинственность и безстрашіе, въ отношеніяхъ—справедливость, въ чувствахъ—страсть благо-разумная, безъ восторговъ, и чувство мести всему, что отступало отъ природы и справедливости. Эпиграмма была его кинжаломъ. Онъ не щадилъ ни враговъ правоты, ни враговъ собственныхъ, поражалъ ихъ прямо въ сердце, не щадилъ и всегда готовъ былъ отвѣчать за удары свои.

Я уже сказалъ, что Пушкинъ, по пріѣздѣ, жилъ въ домѣ на-

¹⁾ Впослѣдствіи, уже въ тридцатыхъ годахъ, П. Е. Вареоломей вышла за Мано, греческаго консула въ Одессѣ.

мѣстника. Кажется, въ 1822 году было сильное землетрясеніе въ въ Кишиневѣ; стѣны дома треснули, раздались въ нѣсколькихъ мѣстахъ; генераль Инзовъ принужденъ былъ выѣхать изъ дома, но Пушкинъ остался въ нижнемъ этажѣ. Тогда въ Пушкинѣ было еще нѣсколько странностей, быть можетъ, неизбѣжныхъ спутниковъ геніальной молодости. Онъ носилъ ногти длиннѣе ногтей китайскихъ ученыхъ. Пробуждаясь отъ сна, онъ сидѣлъ голый въ постелѣ и стрѣлялъ изъ пистолета въ стѣну. Но уединеніе посреди развалинъ наскучило ему, и онъ переѣхалъ жить къ Алексѣеву ¹⁾. Утро посвящалъ онъ вдохновенной прогулкѣ за городъ, съ карандашемъ и листомъ бумаги; по возвращеніи листъ весь былъ исписанъ стихами, но изъ этого разбросаннаго жемчуга онъ выбиралъ только крупный, не болѣе десяти жемчужинъ; изъ нихъ-то составлялись роскошныя нити событій въ поэмахъ: «Кавказскій плѣнникъ», «Разбойники», начало «Онѣгина» и мелкія произведенія, напечатанныя и не напечатанныя. Во время этихъ-то прогулокъ онъ писалъ «Къ Овидію» и сказалъ:

Но если обо мнѣ потомокъ поздній мой
Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной,—
Бреговъ забвенія оставя кладну сѣнь,
Къ нему слетитъ моя признательная тѣнь,
И будетъ мило мнѣ его воспоминанье. . .
Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая,
Скитался я въ тѣ дни, какъ на берега Дуная
Великодушный грекъ свободу вызывалъ,
И ни единый другъ мнѣ въ мірѣ не внималъ,—
Но не унижилъ въ вѣкъ измѣной беззаконной
Ни гордой совѣсти, ни лиры непреклонной.

Вѣроятно, никто не имѣетъ такого полного сборника всѣхъ сочиненій Пушкина, какъ Алексѣевъ. Разумѣется, многія не могутъ быть изданы по отношеніямъ.

Чаще всего я видалъ Пушкина у Липранди, человѣка вполнѣ оригинальнаго по острому уму и жизни. Къ нему собиралась вся военная молодежь, въ кругу которой жилъ болѣе Пушкинъ. Живая, веселая бесѣда, *écarté* и иногда, *rouge varier*, «направо и налѣво»,

¹⁾ Николай Степановичъ Алексѣевъ, одинъ изъ немногихъ русскихъ гражданскихъ чиновниковъ въ Кишиневѣ, съ которыми сблизился тамъ Пушкинъ.

чтобъ сквитать выигрышъ. Иногда забавы были ученаго рода. Въ Кишиневѣ пріѣхалъ извѣстный физикъ Стойковичъ ¹⁾. Узнавъ, что онъ будетъ обѣдать въ одномъ домѣ, куда были приглашены Липранди и Р. ²⁾, они сговорились поставить въ тупикъ физика. Передъ обѣдомъ изъ первой понавшейся «Физики» заучили они всѣ значительные термины, набрались глубокихъ свѣдѣній и явились невинными за столъ. Исполдволь склонили они разговоръ о предметахъ, касающихся физики, заспорили между собою, вовлекли въ споръ Стойковича и вдругъ нахлынули на него съ вопросами и смутили физика, не ожидавшаго такихъ познаній въ военныхъ.

Читателямъ «Евгенія Онѣгина» извѣстна фамилія *Ларинъ*. Ларинъ—родня Ильѣ Ларину, походному пьяному шуту, который потѣшалъ насъ въ Кишиневѣ ³⁾. Отставной унтеръ-цейгвахтеръ Илья Ларинъ, подобно Кохрену, былъ епѣтбеуг и исходилъ всю Россію кругомъ не по страсти путешествовать, но по страсти къ разнообразію, для снисканія пищи и особенно питія между военной молодежью. Не имѣя ровно ничего, онъ не хотѣлъ быть нищимъ, но хотѣлъ быть вездѣ гостемъ. Прибывъ пѣшкомъ въ какой-нибудь городъ, онъ узнавалъ имена офицеровъ и, внезапно входя въ двери съ дубиной въ рукахъ, протягивалъ первому руку и говорилъ громогласно: «Здравствуй, малявка! Ну, братецъ, какъ ты поживаешь? А, суконка, узналъ ли ты Ларина, всесвѣтнаго барина?» Подобное явленіе, разумѣется, производило хохотъ, а Ларинъ между тѣмъ безъ церемоній садился, пилъ и ѣлъ все, что только стояло на столѣ, и вмѣшиваясь въ разговоръ, всѣхъ смѣшилъ самымъ серьезнымъ образомъ. Покуда странность его была новостью, онъ жилъ въ обществѣ офицеровъ, переходя гостить отъ одного къ другому; но когда начинали уже ѣздить на немъ верхомъ и не обращали вниманія на его хозяйскія требо-

¹⁾ Аванасій Ивановичъ Стойковичъ, профессоръ Харьковскаго университета.

Л. М.

²⁾ Подъ буквою Р. надобно, кажется, разумѣть майора Владимира Федосѣевича Раевского, образованнаго человѣка, завѣдывавшаго въ Кишиневѣ ланкастерскою школою. Онъ былъ заподозрѣнъ въ участіи въ тайномъ обществѣ, посаженъ въ Тираспольскую крѣпость и сосланъ въ Сибирь, хотя принадлежность его къ заговору осталась не доказанною. Пушкинъ былъ съ нимъ друженъ.

Л. М.

³⁾ Объ этомъ Ларинѣ Вельтманъ написалъ особый рассказъ, помѣщенный въ *Московскомъ городскомъ листкѣ* 1847 года.

Л. М.

ванія, онъ вдругъ исчезалъ изъ города и шелъ далѣе незванымъ гостемъ. Ларинъ явился въ Кишиневъ во время Пушкина какъ-будто для того, чтобъ избавить его отъ затрудненія выдумывать фамилію для одного изъ лицъ «Евгенія Онѣгина».

Чья голова невидимо теплится передъ истиной, тотъ рѣдко проходитъ черезъ толпу мирно; раздраженный неуваженіемъ людей къ своему божеству, какъ человекъ, онъ такъ же забывается, грозно осуждаетъ чужіе поступки и, какъ древній діарь, заступаетъ за правоту своего приговора: на *полѣ* дѣло рѣшается *Божьимъ судомъ*... Верстахъ въ двухъ отъ Кишинева, на западъ, есть урочище посреди холмовъ, называемое Малиной, — только не отъ русскаго слова *малина*: здѣсь городскіе виноградные и фруктовые сады. Это мѣсто какъ-будто посвящено обычаемъ «полю». Подѣхавъ къ саду, лежащему въ вершинѣ лоцины, противники восходятъ на гору по извивающейся между виноградными кустами тропинкѣ. На лугу, подъ сѣнью яблонь и шелковиць, близъ дубовой рощицы, стряпчіе вымѣряютъ поле, а между тѣмъ подсудимые сбрасываютъ съ себя платье и становятся на мѣсто. Здѣсь два раза «полеваль» и Пушкинъ, но къ счастью, дѣло не доходило даже до первой крови, и послѣ первыхъ выстрѣловъ его противники предлагали миръ, а онъ принималъ его. Я не былъ стряпчимъ, но былъ свидѣтелемъ издали одного «поля», и признаюсь, что Пушкинъ не боялся пули точно такъ же, какъ и жала критики. Въ то время, какъ въ него цѣлили, казалось, что онъ, улыбаясь сатирически и смотря на дуло, замышлялъ злую эпиграмму на стрѣльца и на промахъ.

Пушкинъ такъ былъ пылокъ и раздражителенъ отъ каждаго неприятнаго слова, такъ дорожилъ чистотой мнѣнія о себѣ, что однажды въ обществѣ одна дама, не понявъ его шутки, сказала ему дерзость. «Вы должны отвѣчать за дерзость жены своей», сказалъ онъ ей мужу. Но бояръ равнодушно объяснилъ, что онъ не отвѣчаетъ за поступки жены своей. «Такъ я васъ заставляю знать честь и отвѣчать за нее», вскричалъ Пушкинъ, и неприятность, сдѣланная Пушкину женою, отозвалась на мужѣ. Этимъ все и заключилось; только съ тѣхъ поръ долго бояре дичились Пушкина; но время скоро излѣчило рожу на лицѣ Тодора Балша, и онъ теперь засѣдаетъ въ диванѣ князя Молдавіи.

Я полагаю, что поэма «Разбойники» внушена Пушкину взглядомъ на талгара Урсула (*талгаръ* — разбойникъ, *урсулъ* — медвѣдь).

Это былъ начальникъ шайки, составившейся изъ разнаго сброда войнолюбивыхъ людей, служившихъ етеріи молдавской и перебранныхъ въ Бессарабію отъ преслѣдованія турокъ послѣ Скулянскаго дѣла. Въ Молдавіи и вообще въ Турціи разбойники разтѣзжаютъ отрядами по деревнямъ, берутъ дань, пируютъ въ корчмахъ, и ихъ никто не трогаетъ. Урсулъ съ нѣсколькими изъ отважныхъ ограбилъ на дорогѣ отъ Бендеръ къ Кишиневу купца. Вздумали пировать въ корчмѣ при вѣздѣ въ городъ. Въ то время еще никто не удивлялся, видя нѣсколько вооруженныхъ съ ногъ до головы арнаутовъ; но ограбленный Урсуломъ прибѣжалъ въ Кишиневъ и, замѣтивъ разбойниковъ въ корчмѣ, закричалъ: «Талгарь, талгарь!» Народъ сбѣжался; письменная почта была подлѣ; почтмейстеръ Алексѣевъ, отставной храбрый полковникъ гусарскій, собралъ команду почталъоновъ и бросился съ ними къ корчмѣ, давъ знать между тѣмъ жандармскому командиру. Урсулъ съ товарищами, видя себя окруженнымъ, вскочивъ на коней, понеслись во весь опоръ черезъ городъ. Только крики: «талгарь, талгарь!» успѣвали ихъ преслѣдовать по улицамъ. Народъ заграждалъ имъ путь, но выстрѣлами прокладывали они себѣ дорогу впередъ, однакоже выбрали плохой путь—черезъ Булгарію (улицу Булгарскую). Булгары осыпали ихъ и принудили своротить въ сторону къ огородамъ. Огороды лежали на равнинѣ по берегу Быка. Принадлежа разнымъ владѣльцамъ, все пространство было въ загородахъ. Лихіе кони разбойниковъ перелетали черезъ плетни, но загорожокъ было много, а толпы булгаръ преслѣдовали ихъ бѣгомъ и догоняли; постепенно утомленные кони падали съ отважными сѣдоками, и булгары, какъ пчелы, осыпали ихъ и перевязывали. На окованнаго Урсула съвзжался смотрѣть весь городъ. Это былъ образецъ звѣрства и ожесточенія; когда его наказали, онъ не давался лѣчить себя, лежалъ осыпанный червями, но не охаль. Я увѣренъ, что Урсулъ подаль Пушкину мысль написать картину «Разбойниковъ», въ которой онъ подражалъ разсказу Байрона въ «Шильонскомъ узникѣ» только привычнымъ своимъ размѣромъ¹⁾.

1) Походенія разбойника Урсула, разумѣется, съ романическими прикрасами, составляютъ содержаніе повѣсти Вельтмана подъ этимъ заглавіемъ, помѣщенной во II-мъ томѣ «Ста русскихъ литераторовъ»; эпизодъ поимки Урсула описанъ тамъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ, что въ настоящихъ «Воспоминаніяхъ». Вигель, въ своихъ запискахъ (ч. VI, стр. 132), разсказываетъ исторію этого Урсула, но съ большими неточностями, которыя исправлены И. П.

Точно такъ же и кочующіе цыгане по Бессарабіи подали Пушкину мысль написать картину «Цыганъ», хотя это несчастное племя Ромъ ¹⁾, истинные потомки плебеевъ римскихъ, изгнанные плоты, тамъ не столь милы, какъ въ поэмѣ Пушкина.

Говоря о цыганахъ бессарабскихъ и молдавскихъ, должно упомянуть, что они издавна составляютъ собственность, рабовъ боярскихъ, между тѣмъ какъ молдаване — народъ вольный, зависящій только отъ земли. Въ Бессарабіи есть нѣсколько деревень, землянокъ цыганскихъ; по большей части они живутъ на краяхъ селеній въ землянкахъ, платятъ владѣтелю червонецъ съ семьи и отправляются таборомъ кочевать по Бессарабіи на заработку. Они — или ковачи, или пѣвцы-музыканты; скрипка и кобза — два инструмента ихъ. Лошадиной мѣной тамъ они не занимаются. Почти каждая деревня Бессарабіи нанимаетъ постоянно двухъ или нѣсколькихъ цыганъ-музыкантовъ для *джоковъ* (хороводной пляски) по воскресеньямъ и во время свадебъ. Почти каждый бояръ также содержитъ у себя нѣсколько человѣкъ музыкантовъ. Въ дополненіе, вся почти дворня каждаго бояра состоитъ изъ однихъ цыганъ, поварѣ и служанки изъ цыганъ. Служанки въ лучшихъ домахъ ходятъ боснгомъ; поварѣ — чернѣ вымазанныхъ смолою чумаковъ, и если вы сильно будете брезгливы, то не смотрите, какъ готовится обѣдъ въ кухнѣ, которая похожа на отдѣленіе ада: это — страшно! Ихъ кормятъ одной *мамалыгой* или мукой кукурузной, свареной въ котлѣ густо, какъ саламата. Комъ мамалыги вываливаютъ на грязный столъ, разрѣзываютъ на части и раздаютъ; кто опоздалъ взять свою часть, тотъ имѣетъ право голодать до вечера. По праздникамъ прибавляютъ къ обѣду ихъ гнилой *бринзы* (творогъ овечій). За то не нужно мыть тарелокъ во время обѣдовъ боярскихъ: эти несчастные оближутъ ихъ чисто-на-чисто. Я не говорю, чтобъ это было такъ вездѣ, но такъ по большей части; по одному, по нѣсколькимъ примѣрамъ я бы даже не упомянулъ объ этомъ, но это — просто обычай въ Бессарабіи, въ Молдавіи и Валахіи, во всякомъ домѣ, гдѣ огромная дворня цыганъ

Липранди въ его «Замѣчаніяхъ на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» (гл. XXXVIII).

Л. М.

¹⁾ Такъ называютъ себя цыгане. Если вы спросите у цыгана: кто онъ, цыганъ будетъ отвѣчать: «Романе гове» (сынъ рима, римлянинъ). Цыгане суть дѣйствительно племя первобытныхъ римлянъ.

А. В.

составляетъ прислугу. Страсть къ наружному великолѣпію и вмѣстѣ отвратительную неопрятность de la maison culinaire не возможно достаточно сблизить въ воображеніи.

Войдите въ великолѣпный домъ, который не стыдно было бы перенести на площадь какой угодно изъ европейскихъ столицъ. Вы пройдете переднюю, полную арнаутовъ,—передъ вами приподнимуть полость сукна, составляющую занавѣску дверей; пройдете часто огромную залу, въ которой можно сдѣлать разводъ,—передъ вами вправо или влѣво поднимуть опять какую-нибудь красную суконную занавѣсь, и вы вступите въ диванную; тутъ застанете вы или хозяйку, разряженную по модѣ европейской, но сверхъ платья въ какой-нибудь кацавейкѣ, *фермеле*, безъ рукавовъ, шитой золотомъ, или застанете хозяина, про котораго невольно скажете:

Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ:

Усы въ три дюйма, и съда

Его въ два локтя борода,

Янтарь въ аршинъ, чубукъ въ пять сажень.

Онъ важенъ, важенъ, очень важенъ ¹⁾.

Васъ сажаютъ на диванъ; арнаутъ, въ какой-нибудь лиловой бархатной одеждѣ, въ кованой изъ серебра позолоченой бронѣ, въ чалмѣ изъ богатой турецкой шали, перепоясанный также турецкою шалью, за поясомъ ятаганъ, на руку наброшенъ кисейный, шитый золотомъ платокъ, которымъ онъ, раскуривая трубку, обтираетъ драгоценный мундштукъ,—подаетъ вамъ чубукъ и ставитъ на полъ подъ трубку мѣдное блюдечко. Въ то же время босая, неопрятная цыганочка, съ вклокоченными волосами, подаетъ на подносѣ дутьчець и воду въ стаканѣ. А потомъ опять пышный арнаутъ или нищая цыганка подносятъ *каву* въ крошечной фарфоровой чашечкѣ безъ ручки, подлѣ которой на подносѣ стоитъ чашечка серебряная, въ которую вставляется чашечка съ кофе и подается вамъ. Турецкій кофе смолотый и стертый въ пыль, сваренный крѣпко, подается безъ отстоя.

Между дѣвами-цыганками, живущими въ домѣ, можно найти

¹⁾ Стихи Вельтмана; см. „Странникъ“, ч. II, стр. 73.

Земферску или Земфиру, которую воспѣлъ Пушкинъ, и которая, въ свою очередь, поетъ молдавскую пѣсню:

Арды ма, фрыджи ма,
На карбуне пуне ма!
(Жги меня, жарь меня, на уголья клади меня).

Но посреди таборовъ нѣтъ Земфиры.

Я сказалъ уже, что я боялся не только говорить, но даже быть вмѣстѣ съ Пушкинымъ; но странный случай свелъ насъ. Заспоривъ однажды съ кѣмъ-то, что фамилія Таушевъ, произносящаяся *у* съ краткой, должна и писаться правильно съ краткой, ибо письмо не должно измѣнять произношенію,—я доказывалъ, что должно ввести въ употребленіе *у* съ краткой, и привелъ на-обумъ слѣдующіе четыре стиха:

Жуковский, Батюшковъ и Пушкинъ—
Парнасса русскаго пѣвцы,
Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ—
Шестого корпуса писцы.

«Надъ *у* не должно быть краткой, *и*—лишнее въ стихѣ; должно сказать:

Пафнутьевъ, Таушевъ, Слѣпушкинъ»,

кричали всѣ. Я изъ себя выходилъ, доказывая, что если въ произношеніи *у*—краткое, то *и* должно быть. Въ это время вошелъ Пушкинъ; ему объяснили споръ; онъ былъ противъ меня, и тщетно я увѣрялъ, что *у* въ фамиліи Таушевъ—то же, что краткое *и*, и что, слѣдовательно, въ стихѣ:

Пафнутьевъ, Таушевъ и Слѣпушкинъ

и необходимо. Ничто не помогло: Пушкинъ не хотѣлъ знать *у* съ краткой ¹⁾.

Вскорѣ Пушкинъ, узнавъ, что я тоже подписываю стишки и со-

¹⁾ Этотъ случай разсказанъ вкратцѣ и въ воспоминаніяхъ И. П. Липранди (*Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1448 и 1449), но съ очевидною неточностью: Липранди приписываетъ Пушкину именно то мнѣніе, которое защищалъ Вельтманъ, а поэтъ оспаривалъ. Вельтманъ, безъ сомнѣнія, лучше помнилъ, какъ было дѣло; въ подтвержденіе его словъ можно замѣтить, что въ пушкинскомъ автографѣ «Наполеона», написаннаго въ Кишиневѣ въ 1821 году, читается:

Померкни, солнце Астерлица,

а не «Аустерлица», какъ печатають нынѣ вопреки требованію размѣра.

Л. М.

чиняю молдавскую сказку въ стихахъ, подъ заглавіемъ: «Янко чабанъ» (пастухъ Янко), навѣстилъ меня и просилъ, чтобъ я прочиталъ ему что-нибудь изъ «Янка». Три пѣсни этой нелѣпой поэмы-буффы были уже написаны; зардѣвшись отъ головы до пятокъ, я не могъ отказать поэту и сталъ читать. Пушкинъ хохоталъ отъ души надъ нѣкоторыми мѣстами описаній моего «Янка», великана и дурня, который, обрадовавшись, такъ росъ, что вскорѣ не стало мѣста въ хатѣ отцу и матери, и младенецъ, проломивъ рученкой стѣну, вылутился изъ хаты какъ изъ яйца¹⁾.

Черезъ нѣсколько дней я отправился изъ Кишинева и не видѣлъ уже Пушкина до 1831 года. Онъ посѣтилъ *странника* уже въ Москвѣ. «Я непремѣнно буду писать о «Странникѣ», сказалъ онъ мнѣ. Въ послѣдующія свиданія онъ всегда напоминалъ мнѣ объ этомъ намѣреніи. Обстоятельства заставили его забыть объ этомъ; но я дорожу это намѣреніе.

«Пора намъ перестать говорить другъ другу *вы*», сказалъ онъ мнѣ, когда я просилъ его въ собраніи показать жену свою. И я въ первый разъ сказалъ ему: «Пушкинъ, ты—поэтъ, а жена твоя—воплощенная поэзія». Это не была фраза обдуманная: этими словами невольно только высказалось сознание умственной и земной красоты.

Теперь гдѣ тотъ, который такъ таинственно, такъ скрытно даже для меня пособилъ развертываться силамъ остепенившагося *странника*?...

«Воспоминанія» Вельтмана не нуждаются во многихъ объясненіяхъ. Уже было замѣчено выше, что основная ихъ мысль о плодотворномъ вліяніи условій бессарабской жизни на творчество Пушкина заслуживаетъ полного вниманія. Въ ясномъ и живомъ разсказѣ Вельтманъ развернулъ богатый запасъ собственныхъ наблюденій и такимъ образомъ далъ очень цѣнные матеріалы для разработки поставленной имъ задачи; но вмѣстѣ съ тѣмъ, должно сознаться—онъ не рѣшилъ ея самъ, ибо недостаточно провѣрилъ свою мысль по сочиненіямъ Пушкина; для ея подтвержденія онъ ограничивается лишь нѣсколькими отдѣльными намеками и указаніями.

¹⁾ Эта поэма Вельтмана осталась не напечатанною, но два отрывка изъ нея—описаніе бури и описаніе разсвѣта—помѣщены въ его „Странникъ“, ч. I, стр. 96 и 98.

Прямое отношеніе къ реальной наблюдательности Вельтмана имѣеть его замѣчаніе о «Цыганахъ». Выражаясь съ большою осторожностью, авторъ «Воспоминаній» даетъ однако понять, что въ этой поэмѣ Пушкинъ представилъ бессарабскихъ цыганъ въ образахъ, слишкомъ идеальныхъ, слишкомъ мало похожихъ на настоящихъ представителей этого племени. Еще критики, современные появленію поэмы (1827 г.), указывали на то, что есть внутреннее противорѣчіе между изображеніемъ цыганъ у Пушкина и байроническими элементами произведенія; вспомнимъ въ особенности сужденіе И. В. Кирѣевского, изложенное въ его статьѣ: «Нѣчто о характерѣ поэзіи Пушкина» ¹⁾. Но первые цѣнители поэмы осуждали автора ея никакъ не за идеализацію цыганскаго быта, а скорѣе за то, что онъ выставилъ на видъ нѣкоторыя слишкомъ грубыя черты его. Отзывъ Вельтмана совершенно противоположенъ этому, но въ томъ-то и заключается его оригинальность и достоинство: Вельтманъ находилъ въ поэмѣ Пушкина недостатокъ истиннаго реализма. Судя по позднѣйшимъ критическимъ замѣткамъ поэта (1830 и 1831 гг.), онъ и самъ пришелъ въ послѣдствіи къ такому же заключенію.

Относительно «Братьевъ-разбойниковъ» Вельтманъ высказываетъ догадку, что эта поэма внушена Пушкину «взглядомъ на талгара Урсула», когда послѣдняго держали скованнаго въ кишиневской тюрьмѣ, и на него съѣзжался смотрѣть весь городъ. Предположеніе невѣрное, такъ какъ, по собственному свидѣтельству Пушкина, сочиненіе этой небольшой поэмы или, точнѣе сказать, отрывка изъ поэмы относится къ концу 1821 года, а обстоятельство, подавшее къ ней поводъ, то-есть, бѣгство черезъ рѣку двухъ скованныхъ другъ съ другомъ арестантовъ, случилось еще раньше, въ 1820 году, въ Екатеринославѣ, въ время пребыванія тамъ Пушкина; между тѣмъ, поимка талгара Урсула послѣдовала въ Кишиневѣ только въ апрѣлѣ 1823 года ²⁾. Тѣмъ не мѣнѣе, есть доля правды и въ словахъ Вельтмана. Типы удалцовъ греческихъ, южно-славянскихъ и румынскихъ, которыхъ Пушкинъ видалъ въ бытность свою въ Бессарабіи, несомнѣнно, производили сильное впечатлѣніе на его воображеніе, и именно тѣмъ, что въ нихъ своеобразно сочетались, съ одной стороны, страстные

¹⁾ Эта статья была помѣщена въ *Московскомъ Вѣстникѣ* 1828 года, а въ послѣдствіи перепечатана въ I-мъ томѣ сочиненій И. В. Кирѣевского.

²⁾ Сочиненія Пушкина, т. V, стр. 121; VII, стр. 58; *Липранди*, Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, стр. 161 и 162.

порывы къ народной свободѣ, а съ другой—дѣкіе инстинкты людей, выросшихъ подѣ давленіемъ всяческаго гнета и внѣ всякихъ цивилизующихъ вліаній. Эти впечатлѣнія встрѣтили Пушкина при самомъ прибытіи въ Кишиневъ и сопровождали въ теченіе всей его тамошней жизни. Онъ пріѣхалъ въ Кишиневъ въ сентябрѣ 1820 года, а 5-мъ октября уже помѣчено его стихотвореніе «Дочери Карагеоргія», въ которомъ, обращаясь къ этой дѣвушкѣ, онъ изображалъ ея отца слѣдующими характерными стихами:

Гроза Луны, свободы воинъ,
 Покрытый кровію святой,
 Чудесный твой отецъ, преступникъ и герой,
 И ужаса людей, и славы былъ достоинъ.

Разказы о героѣ сербскаго возстанія Пушкинъ могъ слышать отъ проживавшихъ въ Кишиневѣ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Липранци, а впослѣдствіи онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни. Точно такъ же собиралъ онъ разказы и о греческихъ удалцахъ, участникахъ попытки Ипсиланти. Такимъ образомъ, еще раньше свиданія съ талгаремъ Урсоломъ, Пушкинъ познакомился съ этимъ родомъ людей, и понято, что нѣкоторыя черты изъ ихъ характеристики могли попасть въ тотъ юношескій набросокъ, который представляютъ собою «Братья-разбойники».

Какъ русскіе «лихіе люди» съ раннихъ лѣтъ занимали собою воображеніе Пушкина и затѣмъ много разъ были выводимы въ его произведеніяхъ даже самой поздней поры, такъ и яркіе образы разноплеменныхъ балканскихъ удалцовъ, мелькнувшіе передъ нимъ въ Бессарабіи, никогда не покидали его впослѣдствіи. Въ 1832—1833 годахъ Пушкинъ пишетъ «Пѣсни западныхъ славянъ», въ которыхъ, рядомъ съ переводами подѣлокъ Меримѣ, встрѣчается воспроизведеніе подлинныхъ памятниконъ славянскаго народнаго творчества, и безъ сомнѣнія, живость и яркость красокъ въ этихъ «Пѣсняхъ» объясняются не чѣмъ инымъ, какъ впечатлѣніями, которыя залегли въ душѣ поэта со времени его жизни въ Кишиневѣ. Къ тѣмъ же воспоминаніямъ, и еще прямѣе, Пушкинъ обращается въ 1834 году, когда пересказываетъ дошедшія до него по слухамъ преданія о грозномъ Кирджали, который, подобно талгарю Урсолу, былъ сперва сподвижникомъ Ипсиланти, а потомъ сталъ лихимъ разбойникомъ

и наводилъ своими грабежами ужасъ на всю Молдавію. Любопытно, что самая выработка прозаической повѣствовательной формы связывается у Пушкина съ рассказами объ этихъ людяхъ: насъ поражаетъ изумительное совершенство ея въ сжатомъ, но картинномъ повѣствованіи о Кирджали, написанномъ въ пору высшаго развитія пушкинскаго творчества; а за десять лѣтъ передъ тѣмъ, въ 1824 году, гениальный авторъ этой повѣсти, записывая въ Одессѣ воспоминанія етеристовъ Дуки и Пендедеки, еще затруднялся ихъ изложеніемъ и жаловался Липранди: «Съ прозой—бѣда! Хочу попробовать этотъ первый опытъ»¹⁾. Попыткою своей Пушкинъ остался тогда не вполне доволенъ; потому, вѣроятно, она и не сохранилась въ его бумагахъ.

Не считаемъ нужнымъ останавливаться на анекдотической сторонѣ «Воспоминаній» Вельтмана. Достоверность ихъ въ этомъ отношеніи подтверждается свидѣтельствами другихъ источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ «Воспоминаній» обнаруживается, что бытовья повѣсти Вельтмана имѣютъ основу большею частью въ дѣйствительныхъ происшествіяхъ. Такъ, напримѣръ, оказывается, что напечатанный имъ въ 1847 году рассказъ «Илья Ларинъ» касается лица, дѣйствительно носившаго эту фамилію и проживавшаго въ Кишиневѣ во время Вельтмана и Пушкина; не будетъ поэтому преувеличеніемъ взглянуть на этотъ рассказъ, какъ на дополненіе къ «Воспоминаніямъ». Изъ него видно, между прочимъ, что грубый и безпутный, но честный и прямой Ларинъ былъ нѣчто въ родѣ знаменитаго гоголевскаго капитана Копѣйкина; и если вѣрно извѣстіе, что сюжетъ «Повѣсти» о немъ былъ сообщенъ Гоголю Пушкинымъ, то легко предположить, что при этомъ послѣдній имѣлъ въ виду именно своего кишиневскаго знакома.

Вельтманъ оставилъ Кишиневъ ранѣе Пушкина, и только лѣтъ девять спустя, въ началѣ 1831 года, они встрѣтились въ Москвѣ. Въ это время Вельтманъ напечаталъ уже своего «Странника» и повѣсть въ стихахъ «Бѣглець». Въ исходѣ февраля 1831 года состоялась свадьба Пушкина: это обстоятельство, конечно, и было причиною, почему онъ не собрался написать разборъ «Странника», какъ обѣщалъ то Вельтману. Между тѣмъ, въ № 30-мъ *Литературной Газеты* (26-го мая 1831 года), которую еще продолжалъ издавать О. М. Сомовъ послѣ смерти барона Дельвига, появился разборъ

¹⁾ *Русскій Архивъ* 1866 г., ст. 1410.

«Странника» и «Бѣглеца», очень неблагопріятный для автора. Пушкинъ встревожился этимъ и немедленно, 1-го іюня, написалъ изъ Царскаго Села знакомому съ Вельтманомъ П. В. Нащокину слѣдующее: «Я сейчасъ увидѣлъ въ *Литературной Газетѣ* разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый; чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ-нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было» ¹⁾). Изъ «Воспоминаній» Вельтмана мы уже знаемъ, что онъ отнесся къ этой непріятности очень добродушно. Въ концѣ 1831 года и въ сентябрѣ слѣдующаго Пушкинъ снова былъ въ Москвѣ и, вѣроятно, снова видѣлся съ Вельтманомъ; по крайней мѣрѣ, въ октябрѣ 1832 года, въ письмѣ къ Нащокину, онъ наводилъ справки объ обстоятельствахъ Вельтмана и его литературныхъ занятіяхъ: обстоятельства дѣйствительно были довольно плохія, такъ какъ Вельтманъ находился тогда въ нуждѣ, а его литературныя занятія заключались только въ сочиненіи либретто для оперы, которую намѣревался писать покровительствуемый Нащокинымъ молодой московскій музыкантъ, А. П. Есауловъ.

На этомъ прерываются свѣдѣнія о личныхъ отношеніяхъ между двумя писателями. Какъ поэта, Вельтманъ привѣтствовалъ Пушкина еще въ 1831 году стихотвореніемъ «Пегасъ» въ которомъ читаются слѣдующія заключительныя строки:

Счастливъ, кому волшебникъ-геній далъ
 Очаровательную силу!
 Онъ взлетитъ на немъ ²⁾ къ прекрасному свѣтилу,
 Гдѣ пламенникъ души богъ пѣсней возжигалъ!

Какъ человѣка прекрасной души, Вельтманъ изобразилъ Пушкина въ своихъ «Воспоминаніяхъ о Бессарабіи».

¹⁾ Сочиненія Пушкина, т. VII, стр. 269.

²⁾ На Пегасъ.

Л. МАЙКОВЪ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ОЧЕРКИ

Крыловъ.—Жуковский.—Батюшковъ.

Пушкинъ.

Плетневъ.—Погодинъ.—Фетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Издание Л. Ф. Пантелѣва.

1895.